ГИ200 р
В 113

В БОЯХ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

★

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1 9 3 7

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГИ200 р
В113

В БОЯХ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ИЗ ИСТОРИИ КОМАНДЫ „ДВИНЦЕВ"— УЧАСТНИКОВ ОКТЯБРЬСКИХ БОЕВ 1917 г. в МОСКВЕ

Сборник воспоминаний и документов

1-й экз.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ ★ 1937

К.
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
БИ200 р
В113
БИБЛИОТЕКА
506 69532 У
37

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Двинцы»... Под таким названием двадцать лет назад московский пролетариат знал почти сплошь большевистский отряд солдат, геройски дравшийся за власть советов в дни октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве. Этот отряд составился из ядра революционных солдат восьмидесяти двух полков и отдельных частей 5-й армии, занимавшей позиции на двинском участке Северного фронта.

Во время и после позорного провала июньского наступления на фронте Временное правительство, делая судорожные попытки подчинить вышедшую из повиновения армию, применяет в отношении массы революционных солдат целую систему военно-полевых расправ: смертную казнь, разоружение и расформирование частей, массовые аресты.

В районе действий 5-й армии центром репрессий был Двинск. Сюда эсеро-меньшевистские комиссары Временного правительства везли и вели под конвоем сотни и тысячи солдат, все «преступление» которых заключалось в том, что они не хотели итти на убой во имя сверхприбылей империалистов России и стран Антанты, а добивались мира, земли, власти рабоче-крестьянских советов.

Благодаря уже изрядно накопленному на фронте организаторскому и агитаторскому опыту, арестованные большевики-солдаты вскоре превратили Двинскую военную тюрьму в очаг революционной пропаганды, влияние которого распространялось и за пределы крепостных стен.

Товарищ Сталин писал 23 июля 1917 г. в № 1 газеты «Рабочий и солдат», выходившей взамен закрытой «Правды»:

«Мы — партия борющегося за свое освобождение пролетариата. Не сможет не пойти с нами и солдат, измучившийся, истерзанный, которого снова лишают добытых свобод, которому снова грозят каторгой и смертью. Пойдет с нами и крестьянин,

до сих пор земли не получивший, до сих пор облегчения не почувствовавший.

И так всегда. Каждое наше «поражение» превращается в нашу победу, каждая победа наших противников — в их поражение.

Так было всегда, так будет и теперь».

Холопствуя перед воротилами российского империализма, эсеры и меньшевики после июльских дней на все лады хвастались своей «победой» и «поражением» большевиков.

«Люди реакции — не краснобаи» (Маркс). Корнилов и его соратники по заговору учитывали и такую помеху их планам, как революционный Двинск, который стоял на пути к красному Петрограду.

В первые же дни корниловского мятежа наиболее революционно активная часть заключенных в Двинской тюрьме солдат в количестве 869 человек под усиленным конвоем отправляется эшелонами из Двинска. В пути пленники Керенского — Корнилова узнают, что их перевозят в Могилев, в Ставку.

Очевидно, корниловский генералитет предполагал устроить грандиозное судилище и массовую кровавую расправу над большевистскими солдатами.

Большевистская фракция Витебского совета рабочих депутатов помогает повернуть эшелон революционных солдат на восток, в Москву.

Двинцы чувствуют себя уже на свободе. Но в Москве под сильным воинским конвоем их снова ведут в тюрьму. Оказывается, социал-корниловцы сообщили органам Временного правительства в Москве, что к столице идет эшелон дезертиров, подлежащих содержанию под стражей. Начинается кратковременная, но ожесточенная схватка за освобождение двинцев, об'явивших голодовку.

Московские большевики организовали широкую кампанию за освобождение заключенных товарищей. Поднялась вся пролетарская Москва и вырвала большевистских солдат из казематов керенщины.

Освобожденные товарищи создают под руководством Московского комитета большевистскую организацию команды двинцев и ведут широкую агитационную и организационную работу в районах Москвы, помогая делу политической и военной подготовки вооруженного восстания.

На боевых октябрьских позициях команда двинцев геройски дралась против юнкеров плечом к плечу с московскими красногвардейцами, увлекая за собой солдатские массы гарнизона Москвы.

★

Среди солдат-двинцев была довольно значительная прослойка индустриальных рабочих, из них часть товарищей до войны принимала участие в революционном движении, а некоторые были большевиками-подпольщиками.

Часть полков, из которых впоследствии вышли двинцы, находилась вначале на рижских позициях. В связи с перегруппировкой войск Северного фронта, проведенной Временным правительством перед летним наступлением 1917 г., эти полки были переброшены под Двинск.

Благодаря близости Петрограда, а также и Риги с ее старыми пролетарскими традициями Северный фронт представлял собой более благоприятную почву для развертывания революционной работы, чем какой-либо другой район военных действий русской армии.

В помещенных здесь воспоминаниях приводится ряд фактов самоотверженной подпольной работы большевиков среди солдат Северного фронта.

В стихийные взрывы возмущения против войны, которые учащались и ширились в массе солдат, большевики вносили организованность, пропагандируя идею Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Большевики воспитывали сознание рабочих и крестьян в солдатских шинелях в духе пролетарского интернационализма и понимания того, что вопрос войны решается только вопросом о власти.

Краткая, но яркая история двинцев является одной из живых конкретных иллюстраций великой революционно-воспитательной роли партии Ленина—Сталина в подготовке масс рабочих и крестьян к решающим сражениям за власть.

Публикуемые в сборнике документы о двинцах показывают, как в борьбе за лозунг большевиков — «Вся власть советам» — в массах рождалось, правда, пока еще неясное, неоформленное представление о необходимости оборонять будущую, новую рабоче-крестьянскую советскую родину.

Об этом говорят резолюции двух полков — 303-го Сенненского и 479-го Кадниковского, большевистское ядро которых сыграло крупную роль во всей последующей революционной деятельности двинцев.

Солдаты 479-го Кадниковского полка заявляют о решительном отказе по приказу Керенского итти в наступление, требуют «немедленной передачи власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов» и заверяют: «будем драться, как львы, за истинное дело социализма» (документ № 3).

Спустя два месяца двинцы с суровой непреклонностью писали из тюрьмы Московскому совету: «Будем самую энергичную

оборону вести как России, так и революции, а по воле буржуазии мы на захваты не пойдем. Прежде всего мы революционеры, а не разбойники-захватчики» (документ № 29).

Двинцы — это один из многочисленных отрядов трудящихся, сплотившихся двадцать лет назад вместе со всем пролетариатом России вокруг великой партии Ленина—Сталина на завоевание советской власти, рабоче-крестьянского отечества, социалистического строя. Двинцы — отряд советских патриотов.

Товарищ П. Ф. Федотов рассказывает, как он и другой солдат-большевик, Летунов, были вызваны на «отеческую беседу» к командиру 37-го корпуса генералу Будбергу. Барон Будберг увещевал неистовых большевиков «образумиться», взывал к их патриотизму и доказывал, что единственный выход для армии— начать наступление на фронте «во имя спасения родины».

Эта беседа «по душам», после которой Федотов и другие товарищи были арестованы, происходила в начале июля 1917 г.

А осенью 1917 г. барон почувствовал потребность побеседовать «по душам» с самим собой и начал писать дневник.

В своем дневнике генерал Будберг пишет о солдате Федотове как о «руководителе 120-й дивизии». Скрепя сердце старый монархист должен был признать большую популярность солдата-большевика.

Из этого же дневника мы узнаем, что думал делать «во имя спасения родины» «патриотический» барон. С лютой ненавистью к народу Будберг взывает: «А может быть союзники опомнятся и примут на свою службу... До сих пор все наши попытки устроиться на иностранную военную службу, начатые еще в сентябре, не увенчались успехом».

Значит еще в сентябре 1917 г. корниловский генералитет «спасал родину», запродаваясь оптом и в розницу империалистам Антанты. Как впоследствии, в годы гражданской войны, «спасали Россию» помещичье-буржуазные «патриоты» — общеизвестно. Тот же барон Будберг верой и правдой служил иноземным интервентам. Находясь в свите адмирала Колчака, он был одним из душителей трудящегося населения Сибири. Царским генералам не было нужды привыкать к такой роли. Другое дело — их «социалистические» подручные.

Эсеры и меньшевики и, в частности, «социалистические» комиссары Временного правительства на фронте постарались летом 1917 г. пройти курс палачества над народом, чтобы до конца оправдать свою миссию лакеев империалистической буржуазии.

Часть из напечатанных здесь документов (см. «Документы», раздел II) принадлежит перу эсеро-меньшевистских комиссаров и наглядно разоблачает этих проводников и вдохновителей корниловской расправы над революционными солдатами.

Когда почва уходила из-под ног керенщины, эсеро-меньшевики готовы были итти на любые преступления против народа, лишь бы снова надеть на него вековое ярмо капитализма.

«Социалистические» опричники цинично бахвалились в своей прессе по поводу своего участия в расправах против революционных солдат. Даже в тех случаях, когда корниловские суды сами ходатайствовали о замене смертной казни, эсеро-меньшевистские комиссары скрепляли смертные приговоры. С их согласия тайком, ночью, под предлогом отправки в части, выводили из Двинской тюрьмы и подло, воровски расстреливали за углом большевистских вожаков масс.

Эсеры и меньшевики вкупе с корниловцами присуждали революционных солдат к смерти и каторге по царскому «Своду военных постановлений», изданному в 1869 г.

Приводимые документы раскрывают еще одну омерзительную страницу в позорной истории эсеров и меньшевиков.

В сборнике помещены обращения двинцев из тюрьмы к Московскому совету и к пролетариату Москвы (см. «Документы», № 27—37).

Письма эти обрисовывают прежде всего политический и моральный облик самих двинцев как партийных и непартийных большевиков.

С революционной страстью большевистские солдаты разоблачают классовое коварство и провокаторские методы социал-корниловских тюремщиков, пытавшихся всячески бесчестить двинцев в глазах масс.

В письмах двинцев отражен ряд таких черт характера, которые может воспитать только большевистская партия: нерушимая верность знамени своей партии, стойкость и упорство в борьбе за дело своего класса, честность, прямота и мужество революционных борцов.

Когда комиссия Моссовета по обследованию мест заключения, обещая добиться освобождения двинцев из тюрьмы, предлагает им прекратить голодовку, они категорически отказываются от какого-либо компромиссного решения вопроса, требуя немедленного освобождения их, и продолжают голодовку (документ № 35).

Первые дни пребывания двинцев в Москве под арестом относятся к началу сентября, когда в Московском совете верховодило эсеро-меньшевистское большинство. Оно, понятно, было заинтересовано в том, чтобы держать большевистских солдат в тюрьме.

Но самый разгар борьбы за освобождение двинцев и их тюремная голодовка относятся к середине сентября, когда руко-

водство Московским советом перешло уже в руки большевистской фракции. Чем же об'яснить, что в Москве затянули на несколько недель дело освобождения двинцев и выпускали их с опаской, не всех сразу, а партиями? Неужели не ясно было, что арестованные солдаты — наиболее передовая, лучшая часть революционной солдатской массы, что они являются жертвами произвола и бессудной расправы бонапартистской шайки Керенского и К°, что многие из них еще на фронте вступили в ряды большевистской партии?

Московская организация большевиков подняла широкую кампанию в защиту двинцев, возглавила всю массу рабочих Москвы, боровшихся за освобождение двинцев из тюрьмы. Громадное большинство фракции большевиков Московского совета решительно добивалось того же.

И, однако, президиум Московского совета и упомянутая комиссия по обследованию мест заключения колебались в этом вопросе, под разными предлогами медлили с его разрешением и довели двинцев до голодовки. Больше того, когда, благодаря мощному напору масс московского пролетариата, двинцы вышли на волю и начали развертывать свою революционную большевистскую работу в районах Москвы, комиссия по обследованию мест заключения при Моссовете нашла возможным заявить, что «признает постановления контрреволюционного суда 5-й армии в силе» (документ № 50).

Все эти факты находят свое об'яснение в том, что в верхушке большевистской фракции Моссовета в то время гнездились оппортунисты. Ныне разоблаченный как враг народа старый союзник Троцкого и ближайший соратник Бухарина — фашистский агент Рыков стоял в ту пору во главе Московского совета и непосредственно руководил пресловутой комиссией по обследованию мест заключения.

Рыков и его группа в Московском совете стояли в 1917 г. на зиновьевских позициях и всемерно саботировали подготовку вооруженного восстания, как и само восстание.

Двинцы об этом не знали.

Но инстинктом труженика и чутьем пролетарского революционера, получившего закал в суровой борьбе с классовым врагом, двинцы замечательно верно вскрыли гнилое оппортунистическое нутро Рыкова и К°, впоследствии не раз изменявших партии, пролетариату, народу.

17 октября 1917 г. группа возобновивших голодовку двинцев писала Рыкову и другим членам комиссии по обследованию мест заключения: «Товарищи члены комиссии, вы не верите в силу и могущество нашего пролетариата и не берете на себя справедливого дела» (документ № 37).

Среди подписавших это письмо двадцати шести двинцев был один из героев вооруженной борьбы за власть советов в Москве — товарищ Адам Давидовский (см. в приложении биографию). Спустя десять дней после того, как он вместе с товарищами без промаха обнажил оппортунистический корень предательской политики рыковых-бухариных-зиновьевых-троцких, Давидовский метко бил по юнкерам из подчиненной ему как опытному артиллеристу батареи, стоявшей близ Моссовета, на Скобелевской площади...

На страницах настоящего сборника воспоминаний и документов из истории двинцев отражена всепобеждающая сила правды большевизма. Этой правдой проникались и проникаются миллионы и миллионы тружеников.

Восемьсот шестьдесят девять рабочих и крестьян, одетых в серые шинели, не хотели отдавать свои жизни в угоду кровавогрязному империализму, они же первые в октябрьских боях в Москве пролили свою кровь за власть советов, за социализм, за вновь обретенное родное рабоче-крестьянское отечество.

П. Федотов

„ДВИНЦЫ"

БЛИЗ ОСТРОВА ДАЛЕН

120-я дивизия старой царской армии находилась во время империалистической войны вначале на рижском участке Северного фронта, а затем до самых октябрьских дней под Двинском.

В наш 479-й пехотный Кадниковский полк этой дивизии перепадало немало революционных прокламаций; можно было достать нелегальные брошюры и заграничную большевистскую газету «Социал-демократ».

Большевистской организации в полку не было, но среди солдат находились отдельные партийцы-большевики и товарищи, разделявшие большевистские взгляды: Фролов, Летунов, Трофимов и я. Двое первых поддерживали связь с петроградскими большевиками-рабочими. Связаны мы были и с рижской организацией большевиков. Меня, в частности, прокламациями и заграничными изданиями нашей партии снабжал один большевик, слесарь петроградского завода «Новый Леснер».

В феврале 1916 г. я получил отпуск на 20 дней и провел его в Москве и Питере.

Использовав это время для укрепления связей с партией через старых знакомых по подпольной работе, я получил два небольших чемодана, туго набитых прокламациями. Один чемодан был обтянут сверху солдатской сумкой на подтяжках для ношения на спине, другой — обыкновенный, ручной.

Везти на фронт прокламации было опасно, но я на положении отпускного «солдатика» ни у кого подозрений не вызвал и довез все благополучно до моего 479-го полка.

Полк в то время находился у острова Дален на рижских позициях в резерве, на отдыхе.

Понемножку мы начали извлекать содержимое чемоданчиков и передавать в надежные руки.

Из частей, расположенных по соседству, особенно прочная связь у нас была с 24-м авиационным отрядом через одного бывшего рабочего завода «Дукс» в Москве. В Москве мы с ним

вместе работали в профессиональных союзах: я у обувщиков, а он у деревообделочников. Мы с ним друг друга не боялись и действовали без риска.

Начальником команды связи, где я служил рядовым, был либеральствующий подпоручик, который заигрывал с нами. Этим создавались до некоторой степени благоприятные условия для работы нашего кружка.

На 8 марта подготовлялось широкое наступление русской армии, и наша небольшая группка разделявших большевистские взгляды солдат развила лихорадочную деятельность по рассылке революционных листовок в части. Это чрезвычайно трудное и рискованное дело удавалось нам, потому что наш кружок состоял по преимуществу из солдат команды связи.

Приказ о наступлении был прочитан нам 7 марта на вечерней поверке. Прокламаций осталось еще много, и мы сговорились зря их не бросать, а в пути следования оставлять в папиросных коробках. Солдаты на переходах прежде всего бросались на «курево» и в папиросных коробках находили наши прокламации.

Крутила метель, потом пошел дождь, передвижение войск несколько затруднялось. К вечеру мы узнали от своих телефонистов, что по проводам передавали приказ о прекращении наступления «ввиду плохой погоды и отчаянной агитации злонамеренных лиц».

Наступление не состоялось. Мы торжествовали в душе. В этот вечер с особенным вниманием слушали товарищи брошюру Ленина «Война и социализм», которую я читал вслух в землянке. Поужинав чечевичной похлебкой с воблой, мы долго думали о том, как начать братание с немецкими солдатами. Эта мысль нас занимала давно.

После основательной подготовки в первый день «пасхи» нам это удалось. Началось очень просто. Днем, после обеда, толстяк Летунов вышел из окопа и запел своим хорошим басом: «Из-за острова на стрежень...» Услышав песню, немецкие солдаты стали вылезать из окопов по одному. Выходим за Летуновым и мы. На междуокопной полосе вплотную повстречались и обменялись приветствиями.

Вдруг один немецкий солдат вынул флягу и налил в металлический стаканчик вина. Фролов, нисколько не стесняясь, выпил. Затем происходила беседа, конечно, больше знаками, чем словами.

— Гут, очень гут!! — сказал Фролов.

— Гу-у-т... гу-у-т! — вскричал немецкий солдат.

Из группы немецких солдат кто-то крикнул на ломанном русском языке: «Долой вайна! Мир!» Наши подхватили и тоже закричали: «Долой войну!! Мир! Мир!»

Минут через десять раздался окрик нашего начальства: «По окопам — марш!» Мы наскоро обменялись кое-какими подарка-

ми, кто чем мог. Фролов получил зажигалку взамен хлеба, а Летунов — портсигар взамен куска масла. С немецкой стороны тоже раздалась команда, и мы разбежались по окопам. Поздно вечером слышался шум в немецких окопах, очевидно сменялись части.

Нас на другой день сменил резервный батальон. Так прервалось наше первое братание с немецкими солдатами...

Строило ли командование полка догадки или до него дошли кое-какие сведения о нашей пропаганде большевистских идей — неизвестно. Только однажды в дом, где была размещена часть команды, в том числе и мы, Фролов, Летунов и я, неожиданно пришел начальник команды подпоручик Серцов. Летунов, исполнявший обязанности старшего, отдал рапорт, что «происшествий никаких не случилось».

Подпоручик Серцов подозрительным взором окинул нас и всю обстановку помещения и спросил: «Что тут вы читаете? Может быть, у вас книжонки есть какие, а... что?»

Летунов обращается ко мне: «Федотов, покажи, что у тебя в сумке!» Я застенчиво вытаскиваю сверток из сумки и передаю Летунову. Летунов, бросая на меня сердитые взгляды, развернул медленно из газеты самое настоящее «евангелие», раскрыл его и прочел что-то «от Луки»... «Вот, ваше благородие, примерный солдатик у меня, религиозный». Стоявший сзади начальника Фролов усмехнулся, подмигнув Летунову. А тот продолжал: «Вот все так, ваше благородие, как чуть есть свободное время, так почитывают», и взял под козырек.

Начальник посмотрел под нары, посмотрел на полках и, построив нас, сказал: «Командир полка просил меня проверить команду связи. Летунов! Имей в виду, в случае чего — шкуру сдеру». Летунов вытянулся в струнку: «Ваше благородие, мы только евангелие...» Начальник, пройдясь по комнате, удовлетворенно промолвил: «То-то, моя команда пока была примерная...» Летунов, а вслед за ним и мы все гаркнули: «Рады стараться, ваше благородие...»

Когда подпоручик Серцов ушел, Летунов отозвал Фролова и меня: «Вот чорт, если бы он полез смотреть под стол, ведь я туда под половицу и брошюры и прокламации спрятал». Тут я дал указание Летунову завтра же часть литературы отправить с одним нашим мотоциклистом в 11-ю дивизию, которая стояла с нами по соседству, на фронте около Риги.

В глуши Пинских болот застала нас февральская революция. Начальство в первое время всячески скрывало факт падения самодержавия. Но замалчивать долго такое событие было невозможно. Командир полка собрал всех и об'явил в строю, что «долгожданный день наступил, царь отказался от престола, у власти стало Временное правительство, во главе его князь Львов,

а социалист Керенский — министр юстиции». Либеральствующий полковник обошел и облобызал солдат в строю. Кричали «ура».

Нам противны были эти поцелуи, думали мы о другом: как об'яснить солдатам настоящее положение вещей, если даже газетных сообщений о перевороте мы не читали.

РЕЧИ, МИТИНГИ, С'ЕЗДЫ

Вскоре был созван с'езд солдатских представителей в штабе дивизии. На этот с'езд приехал из Петрограда военный министр, октябрист Гучков, и «раз'яснил», что царя нет, но Временное правительство призывает к спокойствию и продолжению войны до победного конца. Я набрался храбрости и выступил против Гучкова — за немедленный мир. Потом повторил свое выступление на общем митинге около штаба дивизии. В этот вечер солдаты саперного батальона арестовали командующего 120-й дивизией генерала Коленковского, старого монархиста.

Когда я возвратился в полк, пришли из Петрограда газеты, и картина происходящих событий становилась нам все яснее. На утро было собрание двух резервных батальонов, и нам опять старались вдолбить все ту же «войну до победного конца». Но солдаты говорили другое: «нужен мир — и никаких гвоздей, довольно народ путать».

На этом собрании был избран полковой комитет, в который прошли вся наша большевистская четверка, два прапорщика и несколько солдат.

Линейные батальоны прислали в полковой комитет своих делегатов, и мы заработали.

С помощью газеты «Правда», которую, хотя и нерегулярно, получал полковой комитет через командированных солдат, мы проводили раз'яснение событий в большевистском духе. Социал-оборонцам из полкового комитета это было не с руки, и они добились переизбрания комитета.

Вместо меня председателем полкового комитета был избран беспартийный солдат, склонявшийся более к эсеро-меньшевикам. Но мы уже успели завязать связи с соседними частями и продолжали развивать нашу большевистскую агитацию среди солдат.

Вскоре был назначен с'езд солдатских депутатов 1-й армии в селе Глубокое, при штабе армии.

Эсеры и меньшевики вели широкую работу по подготовке этого с'езда. Нашей маленькой группе пришлось затратить немало сил, чтобы хоть несколько ослабить их успех. С'ехалось до 300 депутатов, среди них много офицеров. В частности, от офицеров в качестве депутата был выбран известный черносотенец — генерал Довбор-Мусницкий.

Перед открытием с'езда мы все-таки сумели собрать фракцию большевиков. Она состояла всего из 25 товарищей, но для начала и это было хорошо. Мы решили из-за тактических соображений никого от себя как от фракции в президиум не выдвигать, а рекомендовать персональную заявку кандидатур.

С'езд открыл начальник штаба 1-й армии генерал Довбор-Мусницкий. Он всячески старался подделаться под настроение масс, но это успеха не имело, и он проиграл на первом же собрании.

Председателем с'езда солдаты-депутаты избрали меня. Кроме меня, в президиуме оказались еще т. Войтов, большевик, и прапорщик Егоров, эсер левого направления.

Провозгласив заседание открытым, я предложил почтить вставанием память погибших товарищей и спеть похоронный марш. Пели хорошо, уже научились на митингах. Довбор-Мусницкий и некоторые офицеры пели с оттенком иронии.

Приняли порядок дня: текущий момент, выборы делегатов в Петроград, и еще какие-то вопросы были, не помню.

По текущему моменту говорил эсер Егоров. Потом выступил я, главным образом с раз'яснением большевистских лозунгов о войне. Офицеры и часть солдат встретили мою речь свистом и обструкцией. Затем взял слово генерал Довбор-Мусницкий и заявил, что если бы он знал о пребывании в армии таких бандитов, как Федотов, то он давно бы их перевешал. Это заявление было встречено со стороны офицеров одобрительным смехом, а со стороны большинства солдат бурным возмущением.

— Гражданин Довбор-Мусницкий, я призываю вас к порядку, прошу не возбуждать одну часть с'езда против другой, — сказал я.

Он же с насмешкой продолжал:

— Посмотрим, что еще скажет собрание. Что вы понимаете? Ведь Милюков и Керенский вас так зажмут, что не видать вам революции, как своего носа...

Затем он произнес махрово-монархическую речь и, видя, что ему благосклонно внимает офицерский состав, начал издеваться над с'ездом, тыкая в сторону президиума:

— Председатель?! Мы таких председателей разве должны выбирать? Я требую немедленного переизбрания председателя.

Солдаты загудели.

— Долой генералов! Что вы смотрите, товарищ председатель, — раздались голоса.

Группа большевиков внесла предложение в президиум исключить генерала Довбор-Мусницкого из состава с'езда. Довбор-Мусницкий, беснуясь от ярости, подошел, выкрикивая какие-то ругательства, к столу президиума. Перекрывая сильный шум в зале, я заявил:

— В президиум внесено предложение: исключить Довбор-Мусницкого из состава с'езда ввиду того, что его речь была явно черносотенной. Разрешите это предложение поставить на голосование.

Тут начался невероятный шум. Депутаты встали, громко споря. Довбор-Мусницкий, подняв кулаки, неистово кричал около меня. Многие солдаты, главным образом нашей 120-й дивизии, немедленно обступили стол президиума, обороняя его от нападок. Офицеры рьяно защищали Довбор-Мусницкого, кричали и волновались около отдельных групп солдат.

Взобравшись на стол и стараясь перекричать собрание, я начал речь. Вначале шум продолжался, но когда я сказал, что, несмотря на бесправный поступок генерала Довбор-Мусницкого, необходимо хладнокровно подойти к вопросу и обсудить его, все притихли. И я закончил:

— Мы должны просто попросить Довбор-Мусницкого покинуть наш с'езд как бесполезное для него собрание. Разрешите это предложение поставить на голосование.

За исключением нескольких офицеров, все подняли руки. Генерал Довбор-Мусницкий обескураженный вышел из зала.

Теперь мы уже в более спокойной обстановке продолжали с'езд. Несмотря на малочисленность большевистской фракции, нам удалось все-таки на с'езде одержать верх, так как основная масса солдат-делегатов, конечно, стояла за мир, была против продолжения войны за интересы империалистов.

Этот с'езд выбрал 8 делегатов, в том числе меня на 1-е Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов, открывавшееся в то время в Петрограде.

От нашей делегации в состав ВЦИК был избран один большевик. Возвращался я на фронт, запасшись большим количеством литературы и установив связи с военной организацией большевиков.

В полку были перемены: полковой комитет переизбрали снова, и во главе его оказался правый эсер. И когда на следующий день я сделал на полковом собрании доклад в духе апрельских тезисов Ленина, то встретил отпор со стороны этого председателя. Большинство солдат, однако, недоверчиво отнеслось к выступлению эсера и поддерживало ленинские лозунги.

Через некоторое время я был избран опять председателем полкового комитета. В течение нескольких дней я делал доклады не только в частях нашей 120-й дивизии, но и в других пехотных и артиллерийских частях. Работа была трудная, потому что армейский комитет наводнял все собрания и митинги меньшевистскими и эсеровскими ораторами.

К этому времени наша 120-я дивизия фактически уже не исполняла приказов штаба армии. Если нужно было сделать ка-

кой-либо переход с одного места на другое, солдаты митинговали и выносили снова и снова резолюции за немедленное окончание войны. Ряд таких резолюций полков 120-й дивизии был напечатан в «Правде». Доставлялись они в Петроград т. Летуновым, ездившим туда по командировке полкового комитета для получения директив от военной организации через т. Еремеева, с которым мы держали связь.

В конце мая в городе Валке был созван с'езд представителей частей 1-й армии. На с'езде выступал «главноуговаривающий» Керенский. И хотя нас, большевиков, собралась опять небольшая горсточка, мы сумели дать резкую отповедь «социалистическому» певцу империализма. Против Керенского выступили два большевика.

Едва я успел вернуться в часть, как сразу же был выбран от 120-й дивизии на фронтовой с'езд в Псков. На фронтовом с'езде моя речь о красном формирующемся Интернационале и черном организованном интернационале империалистов прозвучала почти одиноко.

Временное правительство, видимо, начало беспокоить положение дел в 120-й дивизии, и оно специальное внимание обратило на наш 479-й Кадниковский полк.

Два дня спустя после моего приезда с фронтового с'езда в полк прибыл помощник военного министра эсер Лебедев.

Излив свое красноречие, он никого, однако, из солдат не убедил в необходимости воевать за интересы тех, приказчиком кого он был.

После моей речи солдаты постановили: уйти с фронта. Мне пришлось раз'яснять, что это был бы дезорганизаторский поступок, который ни к чему не привел бы, так как не решал вопроса о войне. Я настоял на резолюции: «стоять на месте и никуда не передвигаться». Это и было проведено во время июньского наступления: дальше своих окопов не пошли.

После этого собрания начались сильные гонения на нашу полковую большевистскую группу со стороны высших военных властей.

Командир 37-го армейского корпуса барон Будберг вызвал меня и Летунова на допрос.

В присутствии помощника комиссара Временного правительства поручика Долгополова и командира нашего полка барон стал с нами вежливо «беседовать», стараясь хитро придуманными методами выведать, не переменилось ли и не изменится ли отношение нашего полка к вопросу о наступлении.

— Как вы смотрите на все происходящие события, на факт сосредоточения войск со стороны немцев, ведь наступление нашей армии является единственным выходом, и если мы не будем

69532

дисциплинированно наступать, вся наша революция пойдет насмарку. Во имя спасения родины надо наступать!!

О чем можно было говорить с этим генералом-бароном? В душе у меня, кроме полного презрения к нему, ничего не было. Мы, конечно, заявили ему, что не большевики разлагают армию,—она разлагалась и до революции. Солдаты сами доходят до простой истины о бессмысленности этой войны для трудящихся. Большевики лишь организуют и направляют массы на правильный путь решения вопросов революции.

По приезде в полк в ответ на «вежливый» прием барона и эсера мы развернули широкую агитацию против наступления, сроки которого быстро приближались. На многочисленных митингах мы разнесли в пух и прах доводы приезжих эсеро-меньшевистских ораторов. Полк голосовал против наступления, за исключением 8 человек.

Через четыре дня после этих митингов были арестованы Летунов и я. Нас направили сначала в армейский комитет 5-й армии. Допрашивал здесь нас комиссар Временного правительства меньшевик Ходоров.

С искусством опытного охранника этот «социал-демократ» старался выпытать, кто еще из большевиков остался в нашем полку. Видя безуспешность этого занятия, он, наконец, сказал: «Придется несколько посидеть вам в тюрьме до выяснения. Вы должны себя реабилитировать... Напрасно вы всего мне не сказали».

К вечеру того же дня мы были водворены в камеру Двинской военной тюрьмы. А меньшевик Ходоров продолжал свое «наступление» на революционно настроенных солдат...

В ТЮРЬМАХ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. НАШИ «УНИВЕРСИТЕТЫ»

В разгар репрессий на фронте, в июне и в особенности июле, всех большевистски настроенных солдат буржуазия и ее агенты подводили под рубрику «немецкий шпион» и «дезертир-бандит». Других названий для большевиков у Керенского, золотопогонных корниловцев и либердановской сволочи не было. С такой этикеткой со всего фронта под конвоем везли и вели в Двинск солдат-большевиков и сочувствующих лозунгам и делу нашей партии.

Арестовывали по малейшему доносу в одиночку, группами и целыми войсковыми частями. Аресты производили опричники Керенского, «социалисты» вроде Долгополова и Ходорова, при помощи «батальонов смерти», кавалерийских частей и броневиков.

Когда нас, двоих большевиков из 479-го Кадниковского полка, бросили в камеру № 4 Двинской военной тюрьмы, мы увидели там наших товарищей по борьбе. От них мы узнали, что в Двинске под арестом содержится до 20 тысяч революционных солдат, среди них много председателей и членов ротных, полковых и разных солдатских комитетов.

Спустя пять-шесть дней после водворения нас в тюрьму получаем записку за подписью одного солдата-большевика с предложением об'явить голодовку для того, чтобы добиться открытия всех камер для свободного общения и прогулки по всей тюрьме

До голодовки дело не дошло. Достаточно было одного требования, и камеры стали открывать.

Устроили организационное собрание всех заключенных и избрали на нем тюремный комитет для политического руководства массой заключенных солдат. Я был выбран председателем. Работа началась. Длинные дни и вечера у нас проходили в коридорах или в больших камерах человек на 200. Всего в тюрьме сидело около 900 человек. Читались лекции. Через стражу получали газеты. Попадала к нам даже «Правда». Караульные солдаты охотно шли нам навстречу, говоря, что все равно скоро ожидается восстание и что Керенского убьют. Вечером они, слушая наши речи, говорили: «Вот настоящие-то где сидят! Погоди, чорт Керенский!»

На очередном общем собрании мы постановили призывать рабочих к забастовке и освобождению из тюрем арестованных солдат. Эта резолюция была напечатана в московской газете «Социал-демократ».

Через караульных достали красный материал и золотыми буквами написали знамена с лозунгами: «Да здравствует III Интернационал», «Мир — хижинам, война — дворцам». С этими знаменами мы собираемся в коридоре тюрьмы. Радостно бьется сердце, у всех ярко горят глаза, пылая жаждой борьбы. Устраиваем митинг, раздаются крики: «Да здравствует пролетарская революция!..», «Долой соглашателей!..»

Мрачные стены тюрьмы содрогаются от звуков «Интернационала»... Все больше охватывает заключенных энтузиазм, и кажется, что все преграды разбиты.

Вот приходит начальник тюрьмы поговорить с нами, почему у нас сегодня такое возбужденное настроение. В ответ еще громче раздается «Интернационал»... А около тюрьмы собралась толпа и машет платками в сторону тюрьмы. Некоторые утирают слезы... Ночь тихо подкралась... Разошлись по камерам... Начались групповые собеседования, декламация... И так день за днем ширится сознание, разгорается у всех жажда борьбы...

В конце августа пришел к нам в тюрьму член исполнительного комитета 5-й армии Зайчук, один из «социалистических» жандармов керенщины. Зайчук нам заявил, что «пришло предписание эвакуировать всех арестованных в глубь России». Запрыгала душа у нас, думаем: уж там-то как-нибудь освободимся, доберемся до Москвы и поможем товарищам...

Некоторые стали говорить, что «не надо ехать», что «нас там перестреляют, как собак». Однако, основная группа была за то, чтобы ехать. На следующий день под конвоем двух полков, которые стали в шеренгу, имея при себе несколько пулеметов и броневик, мы были посажены в поезд, всего 869 человек.

В пути нас охранял кавалерийский отряд, по два конвоира на каждый вагон, и сопровождали представители исполкома 5-й армии. Мы, комитет, постарались сесть в один вагон. Двери вагонов мы не могли открывать без разрешения конвойных кавалеристов. Так наш эшелон тронулся из Двинска...

На утро поезд останавливается у какой-то большой станции. В окна мы выкидываем наши знамена. Хотя двери заперты, но наши товарищи говорят перед толпой из окон. Все узнают, что мы арестованные, кричат «ура». Наши в ответ также кричат «ура»...

Нам подают газеты. Читаем: «генералом Корниловым издан приказ»... «Телеграмма Корнилова»... Что такое? В чем дело?.. Дело оказалось в том, что наступили «корниловские дни»... Послышались разговоры, что нас повезут в Могилев, в ставку главнокомандующего. Собрали комитет и, обсудив положение, решили дать телеграмму в Витебский совет рабочих депутатов с требованием, чтобы нас везли в Москву. Один рабочий понес депешу на телеграф.

К вечеру приехали в Витебск. Конвойные открыли двери вагонов. Мы сейчас же устроили митинг и решили итти со знаменами к совету. Караульное начальство присмирело, очевидно струсило, и больше нам уже не мешало. Пришел представитель совета и встретил нас на платформе. Станция охранялась большевиками и солдатами. Настроение сдержанное, чувствуется, что происходит что-то большое, необходима выдержка.

Уполномоченным на станции был большевик и дал нам направление на Москву... Москва!.. Москва! Москва! Как отрадно бьется сердце от мысли, что едем к родным братьям, революционным пролетариям. На станции собрались железнодорожные рабочие и, провожая нас, кричали: «Ура!.. Долой войну!»

На следующую ночь мы были уже в Москве. Сговорились в тюрьму не садиться и требовать делегатов от рабочих.

Но... нас встретила вооруженная рота 55-го полка и комендант Бутырской тюрьмы. Впоследствии от солдат конвойной команды мы узнали, что прапорщик Зайчук отправил с пути теле-

грамму о том, что следующий в Москву эшелон состоит из дезертиров фронта, подлежащих заключению в Бутырскую тюрьму.

Окруженные новым конвоем, мы требуем кого-нибудь из большевиков. Приходит человек, назвавшийся членом тюремной комиссии совета, показывает мандат и уговаривает нас временно, до разбора дела, сесть в тюрьму. Пошумели, а потом решили: все равно завтра выпустят, а пока, на ночь сядем...

Все 869 человек с песней «Смело, товарищи, в ногу...» входим в ворота знаменитой «Бутырки».

Во дворе тюрьмы вдруг кто-то из тюремщиков кинулся в наши ряды и вырвал одно знамя, а два других знамени нам удалось спрятать. Рассадили нас в камеры по 25—30 человек, а в некоторые и по 75 человек, поставили «параши». Спать пришлось вповалку на нарах, отражая яростные атаки насекомых.

Содержимся в строгом режиме, камеры на запоре. В ряде камер стекла выбиты. Некоторые начали заболевать от мытарств и лишений. Газет никаких не пропускают. Только с передачей удалось получить заделанные в хлеб два экземпляра «Социал-демократа». Прогулка — всего лишь полчаса. Никаких обвинений никому не пред'являют. Через одного товарища передали записку в Московский комитет партии большевиков о том, как мы сидим в тюрьме и при каких обстоятельствах были арестованы.

На девятый день решили об'явить голодовку. Около 500 человек отказались от пищи и кипятка. На следующий день в «Социал-демократе» читаем: «Жертвы Керенского—солдаты-двинцы, томящиеся в застенках Бутырской тюрьмы, об'явили голодовку, выставив лозунг: «Свобода или смерть».

Кричим «ура», защита есть, теперь все революционные солдаты и рабочие будут знать, как мы страдаем за рабочее дело. После этого к голодовке присоединились и остальные товарищи.

На прогулке решили голодать до тех пор, пока не получим свободу, но кипяток принимать. Один из наших товарищей за систематический отказ принимать пищу от самого коменданта тюрьмы был посажен в карцер «башню», где нельзя было ни лечь, ни сесть, а можно было только стоять.

В нашу камеру на 4-й день голодовки принесли хороший наваристый суп: пар идет и мясом пахнет. Потом поставили второй бак с рисовой кашей. Помощник коменданта тюрьмы соблазняет: «Надо покушать, солдатики, нельзя морить себя голодом, желудок, он не свой брат — пищи требует. Эх, а щи-то...»

Летунов, подойдя к бакам, стал помешивать ложкой, иронически приговаривая:

— Вот наварили первый раз за все время жизни Временного правительства. Сам Керенский приказал, што ли, а? — И, почерпнув ложку, поднес ее ко рту помощника коменданта тюрьмы: кушайте, жрите на здоровье, ваше благородие!.. Потом с силой

двинул ногой оба бака, и все их содержимое разлилось по полу, покатилось по коридору тюрьмы. В нашей и соседних камерах закричали «ура».

Помощник коменданта обескураженный вышел, махая руками. «Ах, сукины дети! Вот банда, в карцер всех запрем, дохните как мухи, чорт с вами», — прокричал он.

Пришедшие к вечеру этого дня на свидание родные и знакомые принесли заключенным разной снеди, но все наотрез отказались что-либо принять. Тогда возмущенные родственники и знакомые арестованных стали бросать тюремному начальству и страже в лицо огурцы, яйца, куски колбасы и пр.

Весть о нашей борьбе распространилась за стенами тюрьмы, среди московских рабочих, которые на собраниях требовали прекратить надругательство Временного правительства над революционными солдатами и освободить немедленно всех двинцев из тюрьмы. Трамвайщики в подкрепление этого требования пригрозили забастовкой.

Рогожский район направил рабочую делегацию в Московский совет, требуя от него принятия мер к освобождению нас из тюрьмы. Московский совет рабочих депутатов выделил специальную комиссию по делу арестованных двинцев. В состав ее вошли большевики. Комиссия, прибыв к нам в тюрьму, выяснила, что среди двинцев около 300 членов партии большевиков, имеющих билеты, выданные петроградской военной организацией.

— Надо прекратить голодовку, — говорили члены комиссии, но мы решили голодать до тех пор, пока не освободят из тюрьмы. И в подкрепление этой решимости за подписью 305 товарищей было направлено следующее заявление в Московский совет рабочих депутатов:

> «Мы требуем немедленного освобождения. Если в течение двух дней не последует освобождение, то мы решили умереть. Так как наш арест есть не что иное, как контрреволюционный удар по демократии, а посему для нас свобода или смерть».

Нарастал трагический момент голодовки. Некоторые стали галлюцинировать, большинство лежало, не вставая с мест. Я внес предложение рассказывать биографии со всеми подробностями, начиная с детства и, в особенности, выискивая в своем прошлом комические положения.

Это мероприятие отвлекало, веселило, иногда в камерах стоял гомерический хохот.

В один из таких моментов к нам пришел член комиссии совета и, печально глядя на нас, качал головой, думая, что мы уже рехнулись. В ответ на это мимическое выражение соболезнования мы разом запели «Интернационал».

— Ура, да здравствует революция!— кричали в камерах.

На шестой день голодовки утром группа в составе 79 двинцев выходила на волю. С 17 по 21 сентября почти все двинцы были освобождены из тюрьмы и размещены в двух госпиталях (около 400 человек в Савеловском и 360 человек в Озерковском) на положении больных, как особая команда, находящаяся в распоряжении воинского начальника г. Москвы.

КОМАНДА ДВИНЦЕВ. В ПРЕДОКТЯБРЬСКОЙ МОСКВЕ

Итак, мы, двинцы, вступили в жизнь предоктябрьской Москвы. Много было радости, когда увиделись с руководящими работниками военного бюро при Московском комитете большевиков, с незабываемой Ольгой Афанасьевной Варенцовой, Емельяном Ярославским, которые главным образом и руководили нашей пропагандистско-организационной работой.

Ольга Афанасьевна снабдила нас литературой, и наша команда начала действовать. На второй же день после освобождения было создано 37 агитаторских групп, и во всех частях гарнизона и на многих заводах Москвы стали выступать двинцы. Всюду нам был оказан революционный, восторженный прием.

Опричники Керенского забеспокоились: мы узнали, что часть из нас хотят рассортировать по полкам фронта, а часть направить в Витебск. Всей командой обратились в Московский совет со следующим заявлением:

> «Солдаты разных частей двинского фронта 5-й армии, освобожденные из Бутырской тюрьмы 17 сентября, приветствуют совет рабочих и солдатских депутатов. Сегодня нас хотят направить в распоряжение этапного коменданта города Витебска за общим списком, а там, быть может, нас посадят опять в тюрьму или раскассируют по разным частям, где командный состав задушит нашу революционную силу, а потому, ввиду полного истощения наших физических сил вследствие голодовки и долгого пребывания в тюрьме, мы просим товарищей ходатайствовать об оставлении нас в Московском гарнизоне на 2—3 месяца.
>
> Если это окажется невозможным, то просим отправить нас каждого отдельно непосредственно в свои части. Желательно, чтобы эта резолюция обсуждалась на общем собрании совета рабочих и солдатских депутатов с участием наших делегатов. 760 освобожденных двинцев». Следуют подписи.

Немедленно эта резолюция была передана во фракцию большевиков совета солдатских депутатов... И мы остались в Москве.

Не было в Москве почти ни одного широкого рабочего собрания, в котором бы не участвовали представители команды

двинцев. Ораторы-двинцы в своих выступлениях громили произвол керенщины на фронте, рассказывали, как расстреливали солдат только за то, что они большевики, требовали сплоченности против палача революции Керенского.

Один из этих митингов запомнился мне на всю жизнь. Человек 10 двинцев, с рабочими во главе, с членами Пресненского райкома пришли на Ходынку. На митинг собралось в этот день около 6 тысяч солдат, большей частью артиллеристов, и после речей предложено было всем шествовать на Ваганьково кладбище. Там, на могиле Баумана, выслушали с открытыми головами речи, пропели похоронный марш и «Интернационал», а потом все, как один, на коленях поклялись воевать за рабочее дело до последней капли крови.

Одновременно с агитацией наши двинцы во многих районах Москвы обучали военному делу рабочих под руководством военного бюро Московского комитета большевиков.

В Московский совет рабочих и солдатских депутатов от «команды двинцев» было избрано два депутата: Федотов П. и Козин. Еще больше укрепилась наша связь с пролетариатом и солдатами гарнизона Москвы. Нас широко знали уже и на фабриках и в казармах, особенно в 85-м полку и в артиллерийских частях Ходынки, на заводах бывш. Дукс и бывш. Михельсон.

Вечером 25 октября в здании Политехнического музея состоялся знаменитый пленум Московского совета рабочих и солдатских депутатов с участием бригадных, полковых и ротных комитетов, который избрал Военно-революционный комитет.

В ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ. РАЗВЕДКА

Воздух был насыщен борьбой, восстанием.

Утром 26 октября я был экстренно вызван в совет. По постановлению Военно-революционного комитета на меня была возложена организация штаба разведки и мне поручалось немедленно привести к совету двинцев.

В Савеловском госпитале в течение двух минут вся команда была на ногах. Я сообщил последние сведения о захвате власти в Петрограде, об аресте членов Временного правительства и о том, что большевистский Московский совет, избрав Военно-революционный комитет, будет решительно драться за власть советов.

— Мы хорошо знаем военное дело, и наш долг быть везде впереди,— закончил я.

— Умрем за рабочее дело, — ответили двинцы на призыв ревкома.

К вечеру мы вооружились берданками, японскими винтовками и винтовками кавалерийского образца, но оружия всем все же

нехватило. Оставив человек двадцать для патрулирования в районе Савеловского лазарета, пришли в здание Моссовета и расположились в двух его залах. Ревком приказал вызвать и второй отряд двинцев из Озерковского лазарета.

150 вооруженных двинцев во главе с начальником отряда т. Сапуновым пошли из Замоскворечья в Московский совет через Красную площадь. У памятника Минину и Пожарскому они были встречены юнкерами. Завязался ожесточенный бой, в котором двинцы огнем и штыками прокладывали себе дорогу к Московскому совету, нанося большие потери численно превосходящему противнику. В этом бою двинцы потеряли до 70 убитых и раненых, в том числе и товарища Сапунова.

Так пролилась первая кровь восстания в Москве.

Всю ночь подходили отряды рабочих. Шли вооруженные солдаты 55-го и 85-го пехотных полков. Утром следующего дня совет превратился в вооруженный лагерь.

Всю ночь беспрерывно поступали различного рода донесения. К этому времени были уже заняты почта, телеграф и некоторые вокзалы. Опорными пунктами белогвардейских войск и юнкеров были Александровское военное училище и Кремль. Они засели также и в Алексеевском военном училище, а также и во многих других пунктах в районе Кремля, Арбата и в Лефортове.

Было уже совсем темно, когда в Моссовет прибежало человек десять товарищей с криком: «Наших двинцев бьют, кровь пролита! Давайте помощь!» Через некоторое время стали стекаться и остальные двинцы, пробившиеся через Красную площадь.

Слушать подробности боя было уже некогда. Гражданская война в Москве началась.

Немедленно были даны задания выяснить, какие и где силы юнкеров и белой гвардии стянул полковник Рябцев и комитет общественной безопасности. И вот тут двинцы, как искусные разведчики, сыграли крупную роль, проникая всюду. Некоторые переодевались в женские платья и пробирались в гнезда белых. Последующие бои и операции не обходились без участия двинцев, они всюду были впереди. Двинцы брали больше хитростью, чем силой, так как хорошо знали военное дело и тактику боя, и почти всегда выигрывали.

На утро не было такого района в Москве, где бы не было двинцев. Через них мы держали связь с районами, имели правильную ориентировку в развертывании боевых действий и получали сведения о силах противника и состоянии наших сил.

Помимо двинцев, разведчиков и связистов, разосланных по районам, из нашей команды была составлена ударная группа числом около 300 человек, которая дралась на самых опасных и ответственных участках. Кроме того, в распоряжении штаба

была также ударная команда пулеметчиков-двинцев. Вместе с московскими красногвардейцами, с помощью пушки красных артиллеристов Ходынки, двинцы одновременной атакой с фронта и тыла взяли здание градоначальства. Это была первая победа октябрьского восстания в Москве. Сотни пленных офицеров и юнкеров, защищавших градоначальство, под конвоем были приведены к Моссовету.

А у здания в это время толпа кричала: «Да здравствует власть советов!», «Долой попов!» Оказывается, в это время митрополит Платон пришел в ревком просить «христом богом» прекратить стрельбу.

В комнату, как сумасшедший, вбежал разведчик Васильев: «Товарищ Федотов!.. Я сейчас убил 12 юнкеров... и привез в плен патроны и ихний пулемет. Вот, посмотрите, стоит около окон»... Я взглянул,— верно. Стоит автомобиль и на нем пулемет. А Васильев в сильном возбуждении продолжал рассказывать: «Они ехали снизу по Тверской и около «Националя» остановились, а я из-за угла прицелюсь, «чик» — и готово, «чик» — и готово»... Мы ему дали чаю, отправили на отдых, и он успокоился.

Бои были в самом разгаре... Вдруг поступило донесение, что с Александровского вокзала прибывают две тысячи матросов на помощь большевикам. Я вскрикнул от радости... Летунов, спавший на полу нашего штаба разведки, вскочил и схватился за винтовку, бормоча: «Где юнкера?.. Я готов...» Я ему раз'яснил, в чем дело, и оба мы рассмеялись.

Большинство из нас не спало несколько ночей кряду, и спросонья не всегда удавалось сохранить хладнокровие. Летунов тут же пошел разведать о матросах. Оказалось, что это утка. Никаких матросов не прибывало...

Получилось донесение, что у Арбатских Ворот юнкера привязали к автомобилю нашего двинца-разведчика и таскали с размозженной головой по камням в продолжение двух часов. В штабе всех охватило страшное возмущение и ненависть к врагу. На донесении я написал: «Требую мести за эти зверства».

Ночью вместе с товарищем Усиевичем об'ехали все посты и расположение наших войск. Настроение всюду воинственное. Недовольны, что об'явлено перемирие.

У Кудринской площади Усиевич спрашивает у патрульного Бочкова: «Ну, как чувствуешь себя?» Ответ: «Я—двинец...» После паузы Бочков с раздражением промолвил: «Победа все равно наша, смотри, ведь все рабочие поднялись, и оружие есть. Надо наступать генерально... чего там тянуть лямку с каким-то перемирием!..» Усиевич пожал ему руку и сказал: «Правильно, двинец, бить так бить!..»

В штабе Городского района, на Сухаревке, обычная в то время боевая сутолока. Наш двинец Васильев с лицом Емельяна Пу-

гачева, как его рисуют на картинах,— в папахе, ленты с патронами на груди крест-накрест, два нагана по бокам, шашка и четыре ручных гранаты болтаются на поясе. Стоит, улыбается: доволен, что теперь уже всякого оружия у нас вдосталь. Около — человек 15 двинцев, вооруженных примерно так же,— это его подначальный отряд. Направляются на позиции к «Метрополю».

Усиевич спрашивает: «Ну, как, двинец, командуешь?» — «Костьми ляжем, а «Метрополь» завтра будет наш...»

Спешим в Моссовет. Там уже собрались представители пролетарских районов и почти всех воинских частей. Требуют перехода в наступление.

Несмотря на приказ о приостановлении военных действий, все же всю ночь слышались выстрелы в разных районах Москвы.

Утром снова загремела артиллерия.

На подступы к Кремлю, в передовые цепи посылаем отряд в 100 человек двинцев. К вечеру у Никитских Ворот слабовато,— посылаем туда 40 двинцев.

Разные темные элементы начали было погромы в отдельных районах города. И туда направляем десятки двинцев. Погромщиков в ряде случаев расстреливали на месте и восстанавливали революционный порядок.

Подходят подкрепления. Из Петрограда прибыло пятьсот матросов и из Владимира две тысячи хорошо дисциплинированных солдат. Из Петрограда сообщают: Керенский разбит под Царским селом. Настроение все поднималось. Районы были очищены от противника. Кольцо наших войск сжимало юнкеров, но в центре они развивали все еще большую активность.

Часов в двенадцать дня 31 октября мальчик Коля из команды юных разведчиков втолкнул в комнату разведки высоченного роста генерала. Генерал дрожал от страха, его расчесанная на две стороны борода тряслась. Коля машет перед самым носом генерала большим револьвером системы «смит-и-висон» и что-то угрожающе кричит.

В этот момент на Скобелевскую площадь в'ехал белогвардейский броневик и открыл пулеметный огонь по зданию Моссовета. Пули пролетели к нам в окно и с визгом влипли в потолок. Броневик открыл стрельбу из бомбомета. Давидовский в упор дал несколько артиллерийских выстрелов по белой бронемашине. Грохот, шум, треск стекол... Генерал так и шлепнулся на пол...

Через несколько минут все пришли в норму, и Коля докладывает: «Вот, товарищ Федотов, привел генерала, у него много оружия нашли, разрешите мне его прикончить».

«Нет, этого нельзя», — сказал я и под охраной еще одного солдата отправил пленного генерала к коменданту штаба.

С. Павлов

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Построились четырьмя взводами в составе около 150 человек. Командование отрядом было возложено на товарища Сапунова.

Впереди шла разведка из трех человек. Мы стройными рядами, в полном вооружении двинулись из Озерковского лазарета через Балчуг к Москворецкому мосту. Пройдя этот мост, поднялись к храму Василия блаженного.

И вот тут, неподалеку от Лобного места, путь нам преградили юнкера. Их было приблизительно 50 человек, и шли они прямо на нас, взяв винтовки наизготовку. Мы тоже взяли «на руку» и продолжали итти вперед. В это время от них отделились два офицера, и один дрожащим голосом крикнул: «Кто вы такие, куда идете?» Шедшая впереди наша разведка сообщила им, что мы идем для охраны Московского совета.

Юнкера, сделав вид, что удовлетворились этим об'яснением, взяли винтовки к ноге, отошли в сторону, пропуская нас. Наш отряд, не замедляя шага, стройными рядами вошел на Красную площадь. Проходя Лобное место, заметили, что на нем с левой стороны от нас стоит пулемет, а возле толпится кучка юнкеров. Я в то время подумал: «А не заманили ли нас эти сволочи в капкан, возьмут да и расстреляют нашу колонну с тыла». Но ни одного выстрела не последовало. Шли дальше.

Когда мы подошли вплотную к Историческому музею, навстречу снова выступили юнкера. Их было не менее 200 человек под командой какого-то старого полковника. Полковник вышел вперед и резко крикнул: «Куда идете? Стой, ни с места!» Мы остановились.

Я крепко сжал винтовку в руках, что-то недоброе показалось мне в поведении этого предводителя юнкеров. Шел я в первом взводе, как взводный командир, и напряженно следил за движением юнкеров. Наш ротный командир товарищ Сапунов вместе с тремя разведчиками начал с ними переговоры. Наши просили пропустить отряд двинцев к Московскому совету. Полковник

заявил: «Мы сами охраняем весь центр, а также и Московский совет», а потом заорал: «Сдавай оружие!» Оружие мы не сдали. Сапунов обернулся к отряду и, видимо, хотел отдать боевую команду.

Но тут полковник выхватил револьвер и, стреляя в упор в товарища Сапунова, скомандовал юнкерам: «в штыки». В тот же момент труп уже убитого товарища Сапунова был взят несколько раз на штыки и подброшен. Затем юнкера кинулись на нас.

Я скомандовал: «в цепь пли». Остальные взводные повторили приказание по команде.

Быстро рассыпавшись в цепь, дали первый залп. Юнкера не ожидали такой встречи, многие из них оказались убитыми. Кругом стон, крики, замешательство. Вслед за первым залпом дали второй и следующие. Юнкера валились пачками.

Со стороны Лобного места, Спасской башни спешили на помощь своим юнкера. Были слышны сигналы «к бою» со стороны Охотного ряда. Оттуда, через арку Иверских ворот, хлынули новые шеренги юнкеров. Началась ожесточенная борьба. Со всех сторон на нас посыпался град пуль. Наши ряды начали уменьшаться. Несколько товарищей прорвались через цепь юнкеров по направлению в Московскому совету. Бой длился 45 минут. Запас патронов у нас подходил к концу. Юнкера, придя в себя после первоначальной растерянности, вели все более усиленную стрельбу. Со стороны Тверской и ее переулков юнкера начали оттягивать свои отряды. Наши силы слабели.

Прошло еще несколько минут, и казалось, что все лежавшие в цепи были перебиты и ранены. Стоны огласили Красную площадь. Первая кровь лилась ручьями.

Бой затих. Время подвигалось к полуночи. Вскоре показались автомобили «Красного креста». В первую очередь подбирали юнкеров.

Юнкера добивали наших раненых без разговора, били прикладами и прикалывали штыками. Некоторых товарищей добивали по нескольку раз.

Я в тот момент был ранен в коленный сустав левой ноги, лежал в луже крови, за тумбочкой тротуара, у ворот Казанского собора.

До сих пор не знаю, как я остался цел. Ко мне подошли и спросили: «почему у тебя нет винтовки?» Я ответил: «я проходящий солдат, раненый». Они этим не удовлетворились, хотели ударить прикладом по голове, но удар пришелся по шее, потом пинком сапога ударили в лицо. Я лежал беспомощно. Не прошло и 10 минут, вижу, идет от Исторического музея с винтовкой наперевес юнкер и ворчит: «я тебе покажу сейчас, сволочь».

Но тут из Иверских ворот показался автомобиль. Из автомобиля кто-то спрашивает: «где у вас раненые?» Я был подобран

и отправлен в Камергерский лазарет на Тверскую. Здесь уже было четверо наших двинцев; на утро три товарища от заражения крови умерли.

Когда привезли в лазарет, там было много офицеров. Узнав, что мы красногвардейцы команды двинцев, офицеры хотели выбросить нас на мостовую. Но главный врач Камергерского лазарета им сказал: «бой только начался, и неизвестно, в чью пользу он кончится, не трогайте сейчас». В лазарете мне делали 6 раз операцию под хлороформом, я лежал 11 месяцев.

Ко мне в лазарет приходили Федотов и другие товарищи. Когда я спросил, много ли двинцев прорвалось к Моссовету, мне сказали: «прорвалась группа товарищей, пришла в Моссовет и заявила: «бой начался, кровь потекла, дайте помощи». В то время в Моссовете было красногвардейцев не больше 180 человек, значит никакой помощи они дать нам не могли.

Весть о том, что большинство озерковского отряда двинцев погибло в бою на Красной площади, послужила толчком, ускорившим развязывание октябрьских победоносных боев рабочих и солдат Москвы за власть советов.

В. Ростовцев

ГОД БОРЬБЫ

ФРОНТ МИТИНГУЕТ

В феврале 1917 года 69-й Рязанский полк стоял в Двинске на отдыхе.

По городу шли какие-то неясные слухи. Из роты в роту стремительно бегали солдаты друг к другу, и пока мы разузнавали, что же, собственно, произошло, неожиданно пронесся новый ошеломляющий слух о том, что царское командование будто бы готовится сдать Двинск немцам. Беготня солдат усилилась, и настроение в городе стало еще более напряженным. Офицерство вдруг сделалось заметно другим—проявляло меньшую требовательность, прямо не узнать.

Вечером ко мне пришел мой друг, петроградский рабочий, большевик из 65-го Московского полка, с двумя солдатами и сообщил, что в Петрограде революция и царь свергнут. Тут же он дал мне несколько номеров разных газет, подтверждавших принесенную им весть, и просил рассказать как можно скорее об этом солдатам. Он оставил мне пропуск на городское собрание общественных организаций и представителей гарнизона Двинска и быстро вышел.

Несколько минут я собирался с мыслями, а потом, не теряя времени, тут же обегал всех, кого знал. Через два часа в полку уже знали все. Начальства не было видно. Солдаты сначала тихо переговаривались или размышляли в одиночку, а потом вскакивали и все сразу кричали: «ура, ура, революция, царя нет». Тут и поняли все смысл неясных городских слухов и внезапного прилива «добродушия» офицеров по отношению к нам, солдатам.

Слово революция для многих солдат было чем-то трудно об'яснимым, но все воспринимали это так: царя нет, стало быть конец войне и скоро по домам.

На городское собрание я пришел с опозданием. Вслушиваясь в речи, я понял, что собрание имело целью выработать единое обращение к рабочим и солдатам города от различных организаций. Большинство присутствовавших не говорило, а кричало.

Непрестанно раздавались возгласы: «да здравствует свобода», «да здравствует мир», «да здравствует республика» и многократное «ура».

От всего происходящего я был сильно взволнован. Радость вызывала смех и слезы, и все сливалось в одно: в осознание той особой и новой жизни, которую я впервые так ярко воспринимал и в которой я непосредственно участвую. С собрания мне хотелось скорей бежать обратно к себе в часть и все рассказать. Удержать себя от этого я был не в силах и через несколько минут уже был в своей части.

Во время рассказа меня охватывало такое волнение, что я потерял нить мысли. Мои друзья — Буянов и другие солдаты меня ободряли и просили рассказать все толком. Но толком-то всего я и сам не слышал.

«Ребята, пошли туда, на собрание, пошли», — раздались возгласы многих. Я впереди в качестве провожатого, за мной группа солдат, человек тридцать, не шли, а бежали на собрание. Но было поздно, оно уже закончилось.

Народу возле здания толпилось много. Это было стихийное продолжение того же собрания, без президиума и председателя, и говорили здесь кто сколько хотел. Многие рабочие и солдаты, в одиночку и парочками, перебегали послушать разговоры от одной группы к другой. Была глубокая ночь, солдат становилось все меньше, они уходили в казармы. Мы ушли последними.

На другой день утром собрали всех солдат полка поротно, и командиры рот сообщали: «царь отрекся от престола и власть передал народу, создано Временное правительство, которое призывает всех солдат к спокойствию и к поднятию боевого духа для защиты молодой свободы». Шумом и выкриками мы обрывали на полуслове докладчика в царских погонах.

«Врете, царь не отрекся, он свергнут рабочими», «Долой войну, да здравствует мир!», «Повоевали за царя, — хватит, пора домой!» — раздавалось отовсюду.

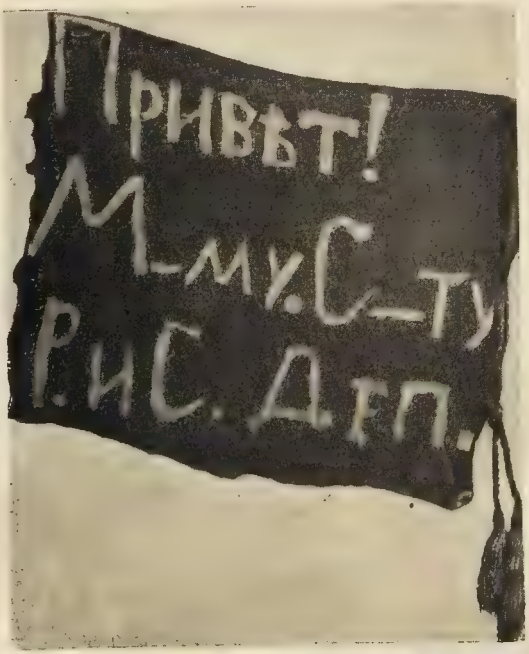
Докладчик стоял, как вкопанный, злобно вглядываясь в наши лица.

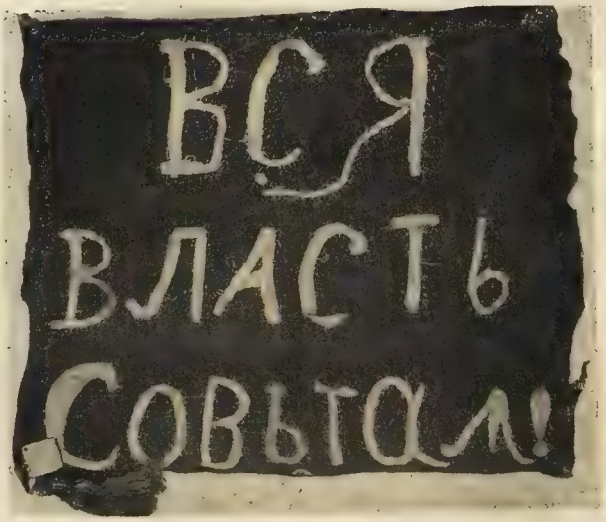
Гнев разгорался в сердцах солдат. Наступила тишина. Докладчик все еще стоял и молчал. В переглядывании солдат чувствовалась солидарность, но каждый в лице другого, казалось, искал ответа: что же делать? Как быть дальше? Всем все-таки хотелось слушать продолжение доклада. Но вместо этого раздалась команда: «смирно!», а потом: «разойтись по местам».

Офицерский приказ был еще законом военной власти, смертным словом для солдат. Повинуясь, все разошлись.

Однако, революционная агитация делала свое дело. Солдаты начали осознавать империалистический характер войны.

Митинг на фронте в 1917 г.





Знамена команды двинцев (хранятся в музее Революции СССР).

Вскоре нас отправили обратно на позицию, под местечко Видзы. Солдаты заволновались: «Как так, царя нет, свобода, а тут на позицию». С таким настроением часть в бой не поведешь, командование полка забило отбой и нас снова оставили на отдых, но уже в нескольких километрах от Двинска.

И вот началась эсеро-кадетская патриотическая обработка солдатских мозгов. То и дело приезжали «гости» — представители из Петрограда и выступали от имени Временного правительства. Кстати сказать, большинство из них, как мы впоследствии узнали, были из штаба армии и ставки, просто переодетыми в штатское платье полковниками и штабс-капитанами. Все они долбили одно и то же: «Свободная Россия требует от вас продолжать войну до победоносного конца». Солдаты нестройно, в разнобой тянули по привычке «ура». Многие еще слепо верили в красноречивые слова и лживые обещания ораторов кадетской меньшевистской и эсеровской партий о наступающем рае на земле в царстве князя Львова и адвоката Керенского.

Однако, на позиции нас отправлять не решались. Значительная часть солдат была настроена революционно и поддерживала лозунги большевиков.

В первое время после февральского переворота у нас в полку сложился актив в шесть-семь товарищей, связанных с двинской организацией большевиков, от которой мы получали указания в работе. Сейчас мы были предоставлены самим себе. И хотя не сложили оружия и, как могли, раз'ясняли солдатам задачи революции, но, не получая освещения событий, а подчас и совсем не зная о них, становились в тупик перед самыми простыми вопросами.

«Быть может царь уже снова на престоле», — задают вопросы отдельные солдаты. Вот и думаешь: «а чорт его знает, может быть и, в самом деле, сидит сукин сын!» Но тут же гонишь эту мысль прочь и с уверенностью отвечаешь: «царь уже наверняка расстрелян рабочими». «А вместо него, может, другой, брат Михаил, заправляет», — опять вопрошают некоторые солдаты. «Ну, уже этому не бывать: на престол садиться теперь все боятся!»,— отвечаем мы.

После одной из таких бесед я написал письмо в Двинск и просил прислать газет и дать советы, но ответа не получил. Потом выяснилось, что письмо не дошло. Недаром начальство держало нас в глуши. Ясно стало: надо ехать в Двинск. Это было не так просто. На мосту через реку Двину по обе стороны стояли часовые, которые без особых пропусков никого не пропускали в город. Товарищи уполномочили меня восстановить связь с двинской большевистской организацией. Собрали в складчину пять рублей на дорогу и наметили план поездки. В первую очередь надо было узнать день, когда из полка по-

едут в Двинск за продовольствием. Накануне этого дня я пошел к каптенармусу, известному нам жулику, и несусветно врал, что в последний раз, когда мы были в Двинске, я женился, хочу поехать к законной супруге, и что она, мол, «баба с деньгами». Дал ему из собранных нами денег три рубля, а по возвращении обещал еще дать, если он перевезет меня через мост в Двинск. Взяточник, конечно, клюнул на приношение, обстряпал пропуск, и утром следующего дня я уже был в Двинске.

В ПАРТИЮ ЛЕНИНА

Мой приезд оказался более чем удачным. В этот день назначено было заседание руководящего ядра военной организации, куда мы вскоре и пошли. В небольшой комнате одноэтажного деревянного дома во дворе, близ вокзала, собралось человек семь товарищей. Встретили меня приветливо, угощали папиросами, расспрашивали о настроении солдат, начальства и о том, кто приезжал к нам в часть для агитации среди солдат. Когда я на все это ответил, начинили меня, как пирог, разными новостями: из кого состоит Временное правительство, чьи оно интересы защищает, почему хочет продолжать войну, об отмене смертной казни для солдат, о приезде в Россию вождя партии большевиков и рабочего класса товарища В. И. Ленина, о его призыве к солдатам и рабочим превратить империалистическую войну в войну гражданскую и о том, как эсеры, меньшевики и кадеты возводят на Владимира Ильича гнусную клевету, чтобы засорить глаза отсталой части солдат и рабочих.

На этом же совещании предложили мне вступить в партию Ленина, на что я немедленно согласился. Затем последовал неожиданный для меня вопрос: «А не собираетесь ли вы дезертировать?» Мысль эта у меня, по правде сказать, в голове вертелась в первые дни февральской революции. Мне только показалось очень странным, как в военной организации об этом узнали, и я не скрыл своего прежнего намерения, подумав, что товарищи хотят мне в этом помочь. В действительности оказалось совсем другое. Товарищи дружески и в то же время сурово указали мне на ошибочность такого намерения для настоящего революционера. Это я понял все-таки как следует несколько позже, когда, став членом большевистской партии, осознал свою роль в партийной работе среди солдатских масс на фронте.

С тюком «Социал-демократа», «Солдатской правды», брошюр и листовок, снабженный пропуском через мост и получив дружеские пожелания, я ушел в полк, обдумывая в дороге план дальнейшей своей работы. Уже вечерело, когда впереди послышались песни и знакомые голоса. Недалеко от стоянки части я вынул из вещевого мешка литературу и спрятал ее в лесной

чаще. Не успел я закончить это, как слышу сигнал трубача и команду: «на поверку становись!» Взводный выкликал: «Орлов!» «Здесь!» «Черкасов!» «Здесь!» «Ростовцев!» «Здесь!»... День выдался совсем удачный, я оказался вне какого-либо подозрения в самовольной отлучке. Времени оставалось мало, разговоры перенесли на утро, еле управились до ночи с раздачей солдатам газет и листовок.

Горнист дает сигнал ко сну, и мы все уже на месте.

Ночь кажется длинной. Глаза не закрываются, в голове боль, зато во всем теле утихает усталость...

Утром поднялись еще до команды. Одеваться не приходилось: в чем легли, в том и встали. Протерев слегка водой глаза, солдаты один за другим побежали с котелками за кипятком. В 5—10 минут кончилось чаепитие, и — кто куда. Начальства еще не видно. Солдаты группами читают доставленные мною газеты и листовки. Когда узнали об отмене смертной казни, о приезде в Россию товарища Ленина, о его призыве к рабочим и солдатам бороться против разбойничьей войны, за мир без аннексий и контрибуций, то одни от радости под сухую задавали трепака, а другие пожимали друг другу руки и целовались.

Земляки и знакомые стремительно бегали друг к другу, из роты в роту. Отмена смертной казни развязала языки. К обеду в полку было общее торжество. Начальство, видимо, терялось в догадках о причине нашего ликования, вскоре офицеры куда-то исчезли, наверно ушли совещаться.

Проходили дни за днями, а мы все стояли на одном месте. И вот в начале мая к нам пожаловал знатный «гость» — министр Скобелев. Его ораторский багаж был богаче слышанных нами доселе докладчиков, но выступал он все с теми же истрепанными лозунгами «защиты свободы и продолжения войны»...

На полковом собрании зачитали обращение Керенского.

Уже во время чтения этого «манифеста» солдаты выкрикивали с разных сторон: «красивые слова», «обман», «ложь» и т. п. Выступления защитников войны освистали. Ребята толкали меня в спину и говорили: «выступи, выступи»... Я попросил слова и, не дождавшись официального разрешения председателя, начал говорить: «Мы воевали за царя, теперь вы предлагаете нам воевать за пузатых помещиков, заводчиков и фабрикантов. Царя свергли, видно придется свергать тех, кто пришел ему на смену и под фальшивыми словами о «свободе» ведет царскую политику захватнической войны. Долой империалистическую войну! Да здравствует мир между народами!»... Раздались рукоплескания солдат и крики «правильно», «браво», «браво». Затем выступило несколько офицеров, которые называли меня и других солдат «изменниками родины», действующими по указанию «немецких шпионов».

Большинство собрания явно склонялось на нашу сторону, и его инициаторы сочли за благо поскорей его закрыть.

В тот же день вечером меня вызвали в штаб полка. «Дело пахнет арестом, — подумал я. — Бежать, но куда? Поймают, хуже будет». Но тут я вспомнил, что смертная казнь отменена, и решил пойти.

В штабе полка, вопреки моему ожиданию, меня встретили не плохо. Попросили даже не козырять и присаживаться. Беседа началась с расспросов: кто мои родители, где они и в качестве кого работают. Я рассказал: отец мой сторож, мать домашняя хозяйка, каждому из них по 55 лет. Старший брат, Иван, рабочий, за забастовку на патронном заводе в г. Туле был арестован и отправлен на рижский фронт, где был тяжело ранен и контужен. Средний брат, Петр, также в армии, на южном фронте, а младшему брату, Евгению, всего двенадцать лет. Последовал ответ: «гм, так-с». Задают мне другой «ласковый» вопрос: «Да, а кто же вас все-таки учит агитировать против войны и Временного правительства?» Я ответил: «Никто, я давно уже сам все понял». Полковник вдруг вспылил, топнул ногой, ударил кулаком по столу и закричал: «Молчать, негодяй, я вам покажу, как ораторствовать». Я было попытался продолжать «об'яснение», но полковник рассвирепел, как тигр, и заорал: «Вон отсюда, мерзавец!» Я быстро смотался, но при выходе был остановлен ротным командиром, который предложил мне вернуться к полковнику с извинением: «Еще не поздно — идите!»—«Нет, не пойду», — отвечал я. Ротный поднял плечи и, скосив на меня глаза, сказал: «Ступайте в часть».

«Итти ли в роту или бежать?»—опять пронеслось в голове. Решил было бежать, но, заметив слежку, быстро, почти бегом, направился в часть.

«Вот гады, душить их надо, а мы думали, что с тобой уже каюк», — обрадованно говорили товарищи, выслушав мой рассказ.

Прошло несколько дней, и я уже начал думать, что дело обойдется без репрессий. Свою работу среди солдат мы еще более усилили, связавшись с 17-й пехотной дивизией и Даниловским полком.

В первых числах июня было созвано дивизионное совещание с участием командиров полков, рот и членов полковых и ротных комитетов по вопросу о подготовке наступления. Представитель штаба 5-й армии после обширного воинственного доклада, в силу настойчивых требований присутствующих, вынужден был неофициально сообщить данные об отношении частей армии к вопросу о наступлении. Получилась такая картина: 17-ая пехотная дивизия настроена воинственно, Даниловский полк итти в наступление отказывается, 18-я пехотная дивизия — колеблющаяся,

69-й Рязанский и 72-й Тульский полки итти в наступление отказываются, в 71-м Белевском и 70-м Ряжском полках дух сравнительно воинственный. И так далее. Одни части — за, другие — против, а в общем, по мнению докладчика, командование располагает большинством частей, настроенных за наступление. Когда же речь зашла о материально-техническом обеспечении наступления (запасы снарядов, патронов, резервные части и пр.), докладчик говорил нехотя, сквозь зубы, так что всем была ясна неподготовленность базы для наступления. Для прикрытия этого «неприятного» обстоятельства штабное офицерство закатывало высокопатриотические речи. И лишь один из командиров нашел в себе мужество прямо заявить о безумии наступления и безуспешности его. Никто его не поддержал. Члены полковых и ротных комитетов молчали. Это и понятно. Эсеро-меньшевики и так верой и правдой служили «культпропом» генералитета в подготовке наступления, а большевики и им сочувствующие по справедливости считали пустым делом агитировать штабных офицеров против наступления. Никаких официальных решений совещание не выносило, а молчаливо приняло устное предложение докладчика: «ждать на этот счет дальнейших указаний свыше». Предложение это делалось для отвода глаз, ждать тут было собственно нечего: приказ главкома армии о наступлении штаб дивизии уже имел.

Борьба вокруг вопроса о наступлении принимала открытую форму, она велась за каждого солдата, отдельный взвод, роту, полк. Вскоре части войск так и назывались: «часть Временного правительства», или «большевистская».

Приказ о подготовке наступления начали обсуждать во всех полках. Один солдат Тульского полка, пришел к своему земляку в наш полк и сообщил, что, когда на днях у них было созвано собрание и все солдаты ушли, явилась какая-то пехотная часть и вместе с казаками окружила место стоянки полка, забрала оружие, а потом арестовала много солдат и их куда-то угнали. О таких случаях мы слышали все чаще.

И вот, когда для обсуждения приказа о наступлении было созвано собрание нашего полка, я выступил перед тремя ротами с сообщением о случае в Тульском полку и предложил без оружия не ходить. Поднялся шум, и большинство солдат бросилось к винтовкам. Ротные командиры пустились в уговоры, заявляли, что это провокация и что случаев разоружения якобы не было. Заверения эти не помогли. Наша рота вышла с оружием. Часть солдат на собрание совсем не пошла и осталась возле своих палаток.

Полковое собрание на этот раз, обсуждая вопрос об исполнении боевого приказа, должно было окончательно решить свое отношение к Временному правительству. После бесконечных ре-

чей эсеров и меньшевиков из полкового комитета и обещаний командования всяческих благ «героям» наступления — наделить знаками отличия, выдать денежные вознаграждения, дать длительные отпуска и т. п. — нам об'явили постановление Временного правительства о восстановлении смертной казни на фронте.

Нам, большевикам, долго разоблачать «благодетелей» не пришлось. Так было все ясно.

Я со своей стороны сообщил солдатам то, что говорилось на дивизионном совещании о неподготовленности нашей армии к наступлению. Другие товарищи выступили с протестом против введения смертной казни. Масса солдат зашумела, как лес от ветра: «В наступление не пойдем». Под эти крики солдаты с собрания разошлись.

На другой день часть солдат дезертировала. Один из них, солдат Буянов (в октябрьские дни он участвовал в Москве в боях за власть советов), с дороги писал, что вместе с тремя своими товарищами в Двинск он пробрался не через мост, где стояли часовые, а переплыл реку Двину на устроенном самодельном деревянном плоту. Он советовал нам при нужде сделать то же.

СУД СКОРЫЙ

16 июля 1917 г. меня и еще двух солдат вызвали в штаб полка. «Вот теперь бежать, пожалуй, будет не позорно, — рассуждали мы. — Но куда? Всюду секретные посты, поймают, на месте расстреляют. На время укрыться? Но где и у кого?» Ответа опять не находили. Пошли в штаб с надеждой, что, может быть, обойдется, командируют в другую часть.

В штабе полка нас уже ожидали и без единого слова усадили на двуколку. С места тронулись рысью. По бокам скакал конный конвой. Немного оправившись от неожиданности, спрашиваем: «Братишки, куда вы нас везете?» Нам не ответили и приказали молчать.

Мы смотрели друг на друга, и каждый мысленно прощался с жизнью. Промчались верст семь, потом поехали шагом. Снова спрашиваем: «Братишки, куда вы нас везете?» Ответили рывком: «Куда нужно, туда и повезем, не приказано разговаривать». Вскоре заметили: дорога идет в Двинск. Проезжаем последний лесочек. Вот уже виден Двинск. «Значит не расстреляют»,— думали мы. Тяжелое нервное молчание разрядилось нашими шутками по адресу конвоиров: «С нами вы вот воюете, а немцев-то боитесь». Но те продолжали молчать. Через полчаса на взмыленных лошадях мы в'езжали в ворота крепости. Открылись двери в камеру, и мы оказались среди своих родных по убеждению и духу товарищей, революционных фронтовиков. Нашего брата в крепости сидело уже несколько тысяч человек. Расправа Вре-

менного правительства с солдатами-большевиками была в самом разгаре.

Ставленник Временного правительства, комиссар 5-й армии А. Ходоров 6 июля 1917 г. доносил военному министру Керенскому:

«Я застал г. Двинск на положении военного лагеря, где были расположены части кавалерийского корпуса, получившего определенную диспозицию окружения полков, категорически отказавшихся исполнять боевые приказы, и воздействия на них, в случае необходимости, силой.

Карательная операция фактически началась за два часа до моего приезда в армию. Ей предшествовали миролюбивые меры агитационных отрядов Армискома, раз'яснявшие положение вещей, необходимость подчинения, но полки оказались непреклонны в своих решениях.

По делу о массовом неисполнении боевых приказаний в 5-й армии были привлечены следующие воинские части...»

Следует наименование пятидесяти двух полков и отдельных частей. Среди них и наш 69-й пехотный Рязанский полк.

Наиболее выдающаяся по активности часть большевиков и революционных солдат этих частей 5-й армии была посажена в казематы Двинской военной тюрьмы и крепости.

Крепость служила фильтром, засиживаться здесь долго не давали: одних расстреливали, других судили, а малодушных и трусов, присягавших в верности Временному правительству, направляли в другие части. «На смену» привозили с фронта новых арестованных.

В конце июля 1917 г. над нами состоялся суд. Это была настоящая комедия. Пока следователь зачитывал обвинительный материал, состоявший главным образом из сводок и донесений ротных командиров и штаба полка, военный судья с весьма добродушным и как бы всегда смеющимся лицом и ласковым взглядом измерял свои жертвы и определял степень их виновности по выражениям лиц и по характеру ответов. После зачтения материала он тут же оглашал заготовленное заранее «решение суда».

«Ростовцев — младший унтер-офицер 69-го Рязанского пехотного полка, обвиняемый в агитации среди солдат своего полка и других частей против Временного правительства, в разглашении военных приказов, за призыв к вооруженному восстанию, как изменник родины и молодой республики, приговаривается к смертной казни через расстреляние.

Петров — младший унтер-офицер 72-го Тульского пехотного полка, обвиняемый в агитации и призыве солдат своего полка к невыполнению боевых приказов о наступлении и тем самым действующий против Временного правительства, приговаривается к смертной казни через расстреляние.

Смирнов — солдат 70-го Ряжского пехотного полка — за агитацию и призыв солдат против войны приговаривается к 10 годам каторги».

За три часа «добродушный» судья вынес приговоры 20 солдатам. Особых трудностей, как видно, в разборе дела у судьи не было. Преступники были одного происхождения: рабочие и крестьяне. Совершенные ими преступления тоже были одинаковые: отказывались воевать за капиталистов и помещиков и других к тому призывали. Можно было смело применять ко всем солдатам одинаковое наказание, но всю армию не расстреляешь и в Сибирь не сошлешь. Поэтому для «формы и порядка» выносились и другие приговоры.

Речей сторон не было, да и зачем они, если все ясно и так для обеих сторон. Мы бурно протестовали и требовали от судьи соблюдения в отношении нас хотя бы буквы закона: смертная казнь была в период наших выступлений отменена, а ее к нам применяют сейчас. Наши протесты возымели действие, и смертная казнь была нам заменена каторгой.

В заключение сделали нам еще одно «снисхождение». «Осознайте, — говорил судья, — свои преступления, дайте клятву верности Временному правительству и снова станете честными солдатами и свободными гражданами».

Сибирь нас не страшила. «Многие наши мужики добровольно и без суда туда уехали. Там земли много и лучше будет, чем на фронте, а воевать за помещиков и капиталистов не хотим», — говорили мы, единодушно ответив отказом на предложение судьи.

После суда нас отправили обратно в крепость. Вскоре один солдат из крепостной охраны нам сообщил, что многих из осужденных ночью вызывают под видом отправки в другие места заключения, а в действительности их расстреливают. После этого на вызов ночью никто из нас не отзывался и своей фамилии правильно не говорил. Слух этот с молниеносной быстротой облетел весь город и все воинские части. Начались бурные протесты, и вызовы по ночам прекратились.

В солнечный день начала августа нас, человек сто осужденных солдат, переводили из крепости в интендантский городок, где уже находилось около тысячи арестованных солдат. Тут началась полоса массовой организованной партийной работы среди заключенных. Во дворе этого городка ежедневно происходили митинги. Организаторами и главными докладчиками их были арестованные солдаты А. Кузьмин и Фомин.

Интендантский городок наполнялся все новыми партиями арестованных солдат. Мы росли в эту пору количественно, а главное — идейно.

От вновь прибывающих узнавали о делах на фронте. В частности, товарищи рассказывали о новых методах Временного правительства, применяемых с целью поднятия воинского духа.

Солдат, с одной стороны, запугивали тем, что семьи дезертиров и осужденных за революционную работу будут якобы лишаться земли и участия в выборах в Учредительное собрание. С другой стороны, выслуживающихся «патриотизмом» и доносами на большевиков представляли к различным наградам и обещали наделять лучшей землей и в большем количестве. Кое-кого удавалось поймать на эту удочку господам эсеро-меньшевикам. Однако, большинство солдат раскусило этот ход «временных правителей» и открыто заявляло: «на обмане, господин Керенский, долго не продержишься». Что же касается угроз о лишении земли, они вызывали среди солдат общий смех: «лишать земли будут, это верно, но весь вопрос в том, кто кого».

Это и понятно: из дома писали, что помещики убегают, а крестьяне с дезертировавшими солдатами захватывают барскую землю и делят ее между собой.

Один из собеседников дает мне письмо, полученное незадолго перед своим арестом: «на, вот, читай вслух». В письме сообщалось, что группа солдат-односельчан дезертировала и привезла с собой в деревню пулемет и винтовки. Среди солдат раздается хохот, и один скороговоркой выпаливает: «Ну, вот и отбери у них землю, они так его, это «Временное», чесанут, что своих не узнает».

«ВПЕРЕД, К МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Наша беседа вдруг прерывается командой: «Смирно! Всем скорей ко мне». Быстро собрались к центру двора. В кольце сбежавшихся арестованных солдат оказался офицер, который держал в руках список и по нему вызывал: «Кузьмин, Васильев, Ростовцев...» Он назвал фамилий двести, а затем подал команду: «построиться». На возгласы: «куда?»—он ответил: «все отправляетесь в другое место». Снова те же возгласы: «куда именно?» Вместо ответа перед нами раскрылись огромные ворота интендантского городка. У ворот стояла толпа народа, которая при приближении нас была разогнана охраной.

И тут прямо перед собой мы увидели шеренги солдат. Их было несколько сот человек. Заметив нас, они закричали: «Да здравствуют большевики! Ура!» Мы сразу поняли, что это тоже арестованные. Нас построили вместе с ними. Начавшийся было разговор все по тому же вопросу: «куда нас отправляют», прервался оглушительной командой «смирно!». Она дана была не для нас, а для конвоя. Кавалеристы мгновенно обнажили сверкнув-

шие на солнце шашки, у броневика заработал мотор, пулеметчики уселись на свои места, а пехотинцы взяли «на руку».

В разные концы нашей арестантской колонны галопом поскакали ординарцы, из донесений которых можно было понять, что все готово к нашему отправлению. При подаче второй — исполнительной команды «шагом марш» мы, окруженные в две цепи пехотой и кавалерией (конвоиров было по крайней мере в три раза больше нас), в сопровождении броневика и нескольких пулеметов зашагали неизвестно куда.

Среди общего шума и пения революционных песен слышались вопросительные голоса отдельных наших пленников: «Куда же нас ведут?» — «Вперед, к мировой революции», — ответил им кто-то. Этот, казалось бы, шуточный ответ нашего товарища вскоре оправдался нашим участием в Октябрьской революции в Москве.

Привели нас на военную платформу вокзала, спешно по сорок человек посадили в только что освобожденные от разных грузов грязные товарные вагоны, без полок и скамеек. Принесли несколько ведер мутной воды, ее с жадностью тут же пили и набирали во фляжки. Потом бросили в вагоны, как собакам, по пять буханок хлеба, закрыли двери на замки, закрутили их проволокой, и поезд немедленно тронулся. Неизвестность пути следования нас уже не трогала, настроение было попрежнему революционное и бодрое.

В пути нас сопровождал кавалерийский отряд. На утро поезд остановился у какой-то станции. Кто-то из окон наших вагонов выкинул знамя, и мы стали говорить перед собравшейся толпой. Когда в толпе узнали, что мы арестованные большевики и революционные солдаты, стали нас приветствовать.

К вечеру приехали в Витебск. По распоряжению Витебского совета рабочих и солдатских депутатов конвойные открыли двери наших вагонов. Мы весело выскакивали на перрон. Оборванные, грязные и небритые, мы своим безобразным видом немало удивили собравшийся нас встречать народ. Тут же на привокзальной площади организовался митинг. Выступавшие говорили о предательской роли Керенского и К°, об арестах и расстрелах ни в чем не повинных тысяч солдат. Речи наши покрывались громкими криками: «Да здравствуют большевики! Да здравствует мир!»

Витебский совет рабочих и солдатских депутатов отнесся к нам хотя и сочувственно, но отказался разрешить вопрос о дальнейшей нашей судьбе и дал нам направление в Москву.

До Москвы ехали уже в незапертых вагонах. В дороге мы могли бы без труда разоружить весь конвой, арестовать или перебить его и разбежаться. Но мы этого не сделали: каждый

понимал, что дело не в конвоирах, и ясно видел своих главных врагов в империалистической буржуазии, ее социалистических прихвостнях, во Временном правительстве Керенского и К°. Мы были сплоченным и сознательным коллективом.

3 сентября в 11 часов вечера эшелон пленников Временного правительства прибыл в Москву. Мы уже считали себя почти что на свободе и сговорились, во всяком случае, возражать против тюремного заключения. Неожиданно нас встретила вооруженная рота 55-го полка во главе с комендантом Бутырской тюрьмы. Нас окружили и отправили в Бутырки. Рассадили по 20—25 человек в камере. Сидим день, другой, никто к нам не идет. Через одного выходившего из тюрьмы солдата товарищу Федотову удалось передать в Московский комитет партии большевиков записку, в которой он сообщил, что мы сидим в тюрьме, и описал обстоятельства, при которых мы были арестованы.

На девятый день об'явили голодовку. Этим мы выразили свой последний и единственно возможный в условиях тюремного режима протест против Временного правительства, с одновременным требованием своего освобождения. Фактически мы уже голодали раньше, начиная еще с фронта, все были крайне истощены, а некоторые заболели настолько серьезно, что были помещены по приезде в тюремную больницу. Об'явленная нами голодовка грозила если не всем, то большинству ускоренной смертью. Хорошо, что пришлось поголодать только шесть дней, но кто это знал? Голодовка могла длиться до последнего вздоха нашего истощенного организма. С начала голодовки те, у кого были родственники в Москве, сообщили им об этом. Родственники и друзья приходили на свидание и со слезами на глазах просили прекратить голодовку. Мы были тверды и неумолимы, никто не принимал передач, за исключением табака и папирос.

Впоследствии, по освобождении из тюрьмы, моя жена, Ростовцева Е. Е., в то время работница фабрики «Караван», мне рассказывала, что на свидание с заключенными собралось таких, как она, около 200 человек. И вот, когда при встрече с родными мы наотрез отказались в приеме продуктовых передач, они всей толпой пошли в канцелярию начальника тюрьмы и учинили там форменный бунт. В начальника, его свиту и охрану полетели яйца, французские булки, огурцы и т. п. «Нате, жрите теперь вы!» — кричали жены заключенных солдат. Женщины готовы были броситься в драку с охраной, и их с трудом выпроводили на улицу. У ворот тюрьмы своими слезами и проклятьями по адресу Временного правительства они привлекли к себе огромную толпу рабочих. Пока специально вызванный конный отряд разгонял толпу, наши жены и друзья сговорились в тот же

день рассказать обо всем рабочим у себя на фабриках и заводах.

На второй день читаем в газете «Социал-демократ», что под угрозой забастовки трамвайные рабочие требуют освобождения революционных фронтовиков, томящихся в Бутырской тюрьме. Наши жены всколыхнули не одну тысячу рабочих Москвы и на примере эсеро-меньшевистского террора против нас, солдат-большевиков, убедили в лживости «свобод» Керенского и К° многих из тех, у кого к ним оставалась вера.

На третий день голодовки узнали, что Московский совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал вопрос о нашей голодовке и выделил комиссию для расследования дела. В комиссию вошли большевики, что нас особенно ободрило. Легче стало продолжать голодовку.

Члены комиссии на другой день пришли к нам в Бутырки и, когда узнали, что большинство из нас — большевики, улыбались и говорили между собою: «побольше бы таких нам преступников». Товарищи сообщили, что через 2—3 дня закончат «расследование» и добьются скорейшего нашего освобождения, а голодовку предложили прекратить. Не верилось, что так скоро вырвемся из тюремных стен, на это предложение не согласились и продолжали голодать. На 6-й день голодовки, освобождена была первая группа в 79 человек.

Как сильно истощенных и больных разместили нас в двух госпиталях: в Савеловском и в Озерковском. Медицинский персонал, узнав, что в госпитали прибывают большевики и революционные солдаты, не захотел нас лечить и разбежался. Остались лишь няни и часть сестер. От представленного нам начальства мы отказались сами. Начальника команды избрали из своей среды. Потом выбрали комитет, культурно-просветительную и хозяйственную комиссии, распределили партийную и военную работу среди членов команды: 30 человек агитаторов выделили в распоряжение Московского комитета, Бутырского и Замоскворецкого районных комитетов партии большевиков и около 50 человек инструкторов — для военного обучения рабочих районов Москвы. Через 6—7 дней наши госпитали превратились фактически в советские казармы с большевистскими солдатами. Среди нас были 4 подпрапорщика и около 200 старших и младших унтер-офицеров. Военное дело мы знали хорошо. Было ясно, что не все кончилось,предстоят бои. Исподволь запасались оружием: покупали его у дезертиров и получали от отдельных знакомых солдат московских частей. Оружие это было большей частью плохонькое, старого образца.

Многие впервые были в Москве, слабо ее знали и принялись ее изучать. Но заниматься этим делом пришлось недолго.

В ОГНЕ ОКТЯБРЬСКИХ БОЕВ

Около 3 часов дня 27 октября Московский военно-революционный комитет приказал команде двинцев прибыть к зданию Московского совета. «Савеловская» часть команды пришла без приключений, и сразу каждый по заранее разработанному плану (пулеметчики, пехотинцы, разведчики и т. д.) организованно и с великой радостью занял свое боевое место. Я был назначен членом разведочной команды при Московском ревкоме.

Второй половине команды — «озерковцам» — не удалось всем дойти до Московского военно-революционного комитета. Они дали первый бой юнкерам на Красной площади и понесли большие потери, геройски пробравшись к Московскому совету.

Наши двинцы поспевали всюду. Во дворе дома бывшего генерал-губернатора, где помещался ревком, скапливалось все больше и больше рабочих. Собралось уже несколько тысяч пролетариев, охваченных нетерпением поскорее сразиться с белогвардейцами. В минуты отдыха двинцы тут же во дворе организовывали для рабочих «курсы военной подготовки». Конечно, за час-два наши «курсанты» военное дело на «отлично» пройти не могли, но элементарному обращению с оружием обучить их удавалось. Оружия для всех нехватало — вот что было плохо. Невооруженные чувствовали себя как-то неудобно и были очень «обижены», что не участвуют в боях за свое родное дело.

Военно-революционный комитет получил сведения, что где-то в складе Спасских казарм имеется оружие. Товарищ Федотов дал мне задание произвести разведку и, в случае обнаружения, забрать оружие. Добровольцев поехать со мной нашлось больше, чем было нужно. Часов в 10 вечера мы отправились на двух грузовиках; первый шел пустым впереди, а на втором ехала разведка. От ревкома до Садовой-Самотечной нас никто не остановил.

На углу 3-й Мещанской улицы услышали крик: «Стой, стой!» и несколько ружейных выстрелов вверх. Соскочили с машины и рассыпались в цепь. «Кто едет?» — слышится в темноте.—«Двинцы». — «А, двинцы, привет вам, товарищи». Оказывается, свои, и мы едем дальше. Машины остановили за углом Спасских казарм, под охраной 4 человек, остальные пошли в казармы. У ворот караула не было.

Стоявший у склада часовой ни за что не хотел подпустить меня к себе поближе, но, заметив позади меня группу вооруженных людей, оробел и отошел немного в сторону. Арестованный нами, он растерянно наблюдал, как взламывались штыками замки у дверей и оружие охапками, как дрова, укладывалось в грузовики. Взяли что-то около полутораста разных старых винтовок и несколько сабель. В складе остались совсем негодные ружья.

Стали было уходить, но освобожденный нами из-под «ареста» часовой заявил мне, что охранять оставшееся барахло не хочет и просит взять его с собой. «Пойдем, друг», — ответили ему мы все сразу.

Возле ворот здания Моссовета нас встретили рабочие-красногвардейцы, они на ходу вскакивали на грузовики и с невероятной поспешностью расхватывали привезенное оружие. Эти винтовки были каплей в море... Приходили все новые и новые тысячи рабочих...

★

Бюро разведки Московского ревкома возглавлял рабочий кожевник товарищ П. Ф. Федотов. Тем не менее он проявил всестороннее знание разведки в условиях уличного боя.

Красные разведчики, руководимые бюро разведки Московского ревкома, были разбиты на две группы — старших и их помощников. При каждом старшем разведчике было по 5—7 помощников. Каждая такая разведывательная группа получала определенный район действий: улицы и переулки. В обязанности ее входило выявление расположения юнкеров и белых, количества и вида их оружия. Все это обычно выяснялось по характеру огня противника: оружейно-револьверный или пулеметный, одиночный или массовый. Иногда пользовались сообщениями внушающих доверие жильцов. Одновременно тут же выясняли и наличие наших красногвардейских сил.

В пути следования мы проверяли свои посты и в зависимости от обстоятельств требовали подкрепления наших сил, перегруппировки их и т. п., посылая донесения в бюро разведки через одного из помощников, или по возвращении сообщали лично.

Бюро разведки, получив наши сведения, немедленно сообщало об этом в штаб Красной гвардии и Военно-революционный комитет, откуда и посылались подкрепления и указания на боевые участки.

Обнаружив крупные скопления белых, обстреливающих наши проходные улицы или постовых с явной целью подготовки наступления, тут же посылали одного из помощников с донесением, а оставшиеся 4—5 бойцов-разведчиков вели огонь по противнику, одновременно наблюдая за его передвижением до прибытия красногвардейского отряда. Попадавшихся в пути следования лиц мы задерживали для проверки. Часто отрекомендовывавшиеся нам мирными обывателями оказывались белыми или переодетыми в гражданское платье юнкерами. Нередко среди белых разведчиков попадались женщины. Мне, в частности, удалось задержать одну такую белую разведчицу.

Стрельба белогвардейцев из форточек и чердаков была их излюбленным приемом. В первое время наши разведывательные группы несли нередко потери ранеными, пока мы не применили одной простой меры осторожности. Для удобства наблюдения и определения места возможного выстрела мы шли редкой цепочкой по обеим сторонам улицы, наблюдая за сторонами друг друга.

Дом, откуда был произведен выстрел, мы не оставляли непроверенным и обычно задерживали стрелявшего. В этом нам очень часто помогали жильцы, в особенности тех домов, которые были населены рабочими и мелкими служащими.

Дом градоначальства на Тверском бульваре был важной позицией белых. Мы, двинцы, сговорились взять этот дом.

В наступлении участвовало примерно 120—130 человек, разделенных на три почти равные по численности бойцов группы.

Первая группа в 40—50 человек из рабочих-красногвардейцев и частью солдат 193-го полка пошла по Большой Бронной улице и расположилась в квартирах, под'ездах, воротах и других домовых укрытиях правой стороны Тверского бульвара, напротив дома градоначальства. Другая группа такой же численности из рабочих и двинцев рассыпалась цепью по самому Тверскому бульвару. И, наконец, третья группа в 30—40 человек исключительно двинцев пошла Гнездниковским переулком в тыл.

Первый выстрел из пушки со Страстной площади по дому градоначальства был для всех трех групп сигналом к началу наступления.

Разведчики-связисты доносят о готовности групп.

Раздается артиллерийский выстрел по дому. Первый снаряд попадает в трамвайную мачту, пробивает ее и тут же разрывается. Второй снаряд попадает в дом. Наступление началось.

В ответ на пушечные выстрелы юнкера открыли сильную стрельбу из пулеметов в сторону Страстной и по нашим движущимся по бульвару цепям.

Первая наша группа, находившаяся против дома градоначальства, открыла ружейный огонь по юнкерам. Юнкера ответили тоже ружейным огнем.

Продвигавшаяся по бульвару группа вела залповый огонь по дому. Со стороны юнкеров продолжали действовать пулеметы. Ружейные выстрелы по нашей цепи были редкими, видимо, частично из-за начавшегося замешательства и бегства противника, а также вследствие недостаточного у него фронта действия.

Тем временем через заборы прилегающих домов с Гнездниковского переулка пробрались к дому градоначальства остальные двинцы и неожиданно для юнкеров открыли по ним ружейно-револьверную стрельбу. Юнкера очутились в кольце.

Вся засевшая в доме свора пришла в смятение. На наши выстрелы белые почти уже не отвечали. Трещал у них лишь один пулемет. Но и он вскоре замолчал.

При криках «ура» и «бросай оружие!» наступавшие с Гнездниковского переулка двинцы ворвались в дом градоначальства. Через 2—3 минуты, почти одновременно, в дом вбежали и другие участники наступления из остальных двух групп.

«Герои» Временного правительства стояли белей снега с поднятыми вверх руками. У многих юнкеров и офицеров тряслись руки и подкашивались ноги, они едва стояли. На полу и во дворе дома были набросаны винтовки, револьверы, шашки, кортики и патроны.

Для охраны дома и оружия оставлено было несколько двинцев. Остальные вывели около 150 человек белых; их с поднятыми вверх руками повели в Московский совет, где временно разместили пленных в сараях и конюшнях.

Убитых и раненых в этом бою с нашей стороны было 10—15 человек, со стороны юнкеров потерь не было.

К концу октябрьских боев я с двумя другими разведчиками отправился в очередной обход своего участка.

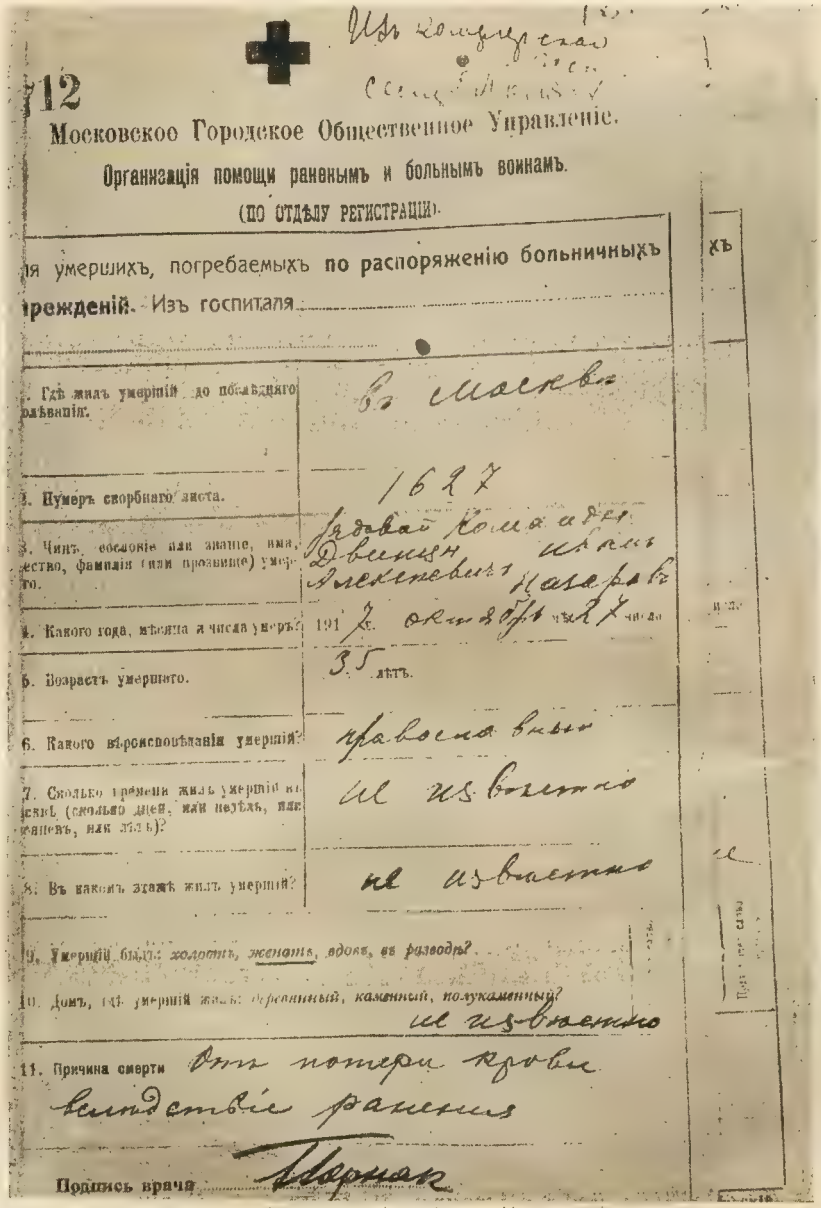
На углу Тверской улицы и Камергерского переулка мы встретили отряд своих двинцев человек в 20—40. На наш вопрос «куда идете?» они шутливо ответили: «обедать в гостиницу «Метрополь». Одновременно двигался отряд и других участников наступления на «Метрополь», человек 30 рабочих и солдат. Пожелав товарищам хорошенько «пообедать», мы пошли по своему маршруту — вниз по Тверской.

Произведя разведку в районе гостиницы «Пассаж», манежа и других местах, мы поспешили пойти проверить и предупредить о начале наступления на «Метрополь» свои посты, размещенные в гостинице «Континенталь», что напротив «Метрополя». Постовые были на своих местах и в боевой готовности. Не успели мы получить от них сведения и сообщить им что полагалось, как вдруг раздались один за другим артиллерийские выстрелы и поднялась усиленная ружейная стрельба.

На бегу, об'яснив постовым, в чем дело, мы вместе с ними вбежали в один из номеров второго этажа гостиницы и начали стрелять по «Метрополю». Оттуда непрерывно трещали два пулемета. Винтовочный огонь белых был редкий. Примерно минут через 30—40 при сильной стрельбе с обеих сторон мы замечаем небольшую группку в десять человек, бегущую со стороны Не-

Бой на Кудринской площади.

С картины художника Савицкого.



Из Кремлевского Госпиталя

12

Московское Городское Общественное Управленіе.

Организація помощи раненымъ и больнымъ воинамъ.

(ПО ОТДѢЛУ РЕГИСТРАЦІИ).

...я умершихъ, погребаемыхъ по распоряженію больничныхъ ...реждений. Изъ госпиталя

1. Гдѣ жилъ умершій до послѣдняго ...лѣванія.	Въ Москвѣ
2. Нумеръ скорбнаго листа.	1627
3. Чинъ, сословіе или званіе, имя, ...ество, фамилія (или прозвище) умер...го.	Рядовой Конной дивизіи Алексеевичъ Назаровъ
4. Какого года, мѣсяца и числа умеръ?	191 7 г. октября 27 числа
5. Возрастъ умершаго.	35 лѣтъ.
6. Какого вѣроисповѣданія умершій?	православнаго
7. Сколько времени жилъ умершій на ...свѣтѣ (сколько дней, или недѣль, или ...ацевъ, или лѣтъ)?	не извѣстно
8. Въ какомъ этажѣ жилъ умершій?	не извѣстно
9. Умершій былъ: холостъ, женатъ, вдовъ, въ разводѣ?	
10. Домъ, гдѣ умершій жилъ: деревянный, каменный, полукаменный?	не извѣстно
11. Причина смерти	Отъ потери крови вслѣдствіе ранения

Подпись врача Дворнак

Регистрационный листок двинца Назарова, умершего в лазарете от ран, полученных в бою против юнкеров 27 октября 1917 г. на Красной площади.

глинного проезда к «Метрополю». «Это белые бегут к своим. Выгнаны нашими из какого-либо места», — думали мы. Они бежали так быстро, что мы не успели направить на них дула своих винтовок, как они уже были у дверей под'езда гостиницы «Метрополь». Наши еще более усилили стрельбу по «Метрополю». «Поздно, — думали мы, — спаслись гады».

Но тут со стороны «Метрополя» раздались крики «ура, ура». Мы поняли, что бежавшие были наши. Со стороны Малого театра и Неглинного проезда при непрерывной стрельбе началась массовая перебежка красногвардейцев и солдат к «Метрополю». Вскоре побежали и мы, стрельба прекратилась...

Белая свора расползлась по номерам и разным уголкам огромной гостиницы. На долю товарищей, вбежавших в «Метрополь» первыми, выпала задача выловить попрятавшихся.

Все пленные подвергались личному обыску. Кое у кого мы обнаруживали еще револьверы. «Как будто всех собрали», — говорили товарищи. В зале сгрудилось белой рати примерно 100—120 человек. Они жались друг к другу и были такими же растерянными и бледными, как и их соратники в доме градоначальства.

Замысел заключительной операции по взятию «Метрополя» принадлежит группе в 7—10 человек наших двинцев, тех самых, которые первыми пошли в перебежку со стороны Неглинного проезда. Усиленная же стрельба наших во время этой перебежки велась для их прикрытия. Вбежавшие в «Метрополь» двинцы своей стрельбой и криками «ура» привели в паническое состояние засевших там «храбрых воинов», которые бросились спасать себя кто куда. Это дало возможность вбежать в «Метрополь» остальным участникам наступления с малыми жертвами.

Количество убитых и раненых белых установить тогда было невозможно, они находились в коридорах, отдельных номерах и других подобных местах.

Наши потери в этом бою исчислялись 5—10 убитыми и ранеными товарищами.

Октябрьская революция победила. Наша команда двинцев по приказу Военно-революционного комитета возвратилась обратно к себе в госпитали, т. е. фактически — в красные казармы.

Выстроились на поверку. Почти половина членов команды не откликнулась. Это были не дезертиры, испугавшиеся классового боя, а товарищи, которые не хотели умирать на фронте за интересы капиталистов и были убиты и умерли от ран на октябрьских баррикадах за дело рабочего класса.

Мы, оставшиеся в живых, с болью в душе несли их гробы на Красную площадь. И под звуки траурного марша дали свою клятву: зорко и свято хранить завоевания Октября и всегда до

конца быть верными сынами партии Ленина — Сталина в борьбе за международную пролетарскую революцию, за торжество коммунизма во всем мире.

Команда двинцев после Октябрьской революции не сохранилась. Около 100 человек вскоре уехали к себе на родину — в деревню. Это были бедняки-крестьяне и батраки. Перед от'ездом они говорили: «Теперь поедем душить своих кулаков». Остальные товарищи были разбиты на группы, влиты, как боевое ядро, в отдельные формировавшиеся тогда московские полки Красной армии и посланы на боевые участки борьбы за власть советов: в Ярославль, Калугу, Нижний, на юг.

«МЫ, РАБОЧИЕ, ПОВЕДЕМ СВОИ КРАСНЫЕ ВОЙСКА»

Трех двинцев — Фомина, Кучера и меня — Московский комитет партии направил в штаб Московского военного округа. Там мы работали инструкторами по демобилизации старой армии, реорганизации Красной гвардии в Красную армию и созданию на местах военных комиссариатов.

На меня выпало задание обслуживать Курск, Орел, Тулу, Тамбов, Вологду и уезды этих бывших губерний. Работу часто приходилось начинать не с организации военных комиссариатов, а с создания органов советской власти.

Уездные работники не знали, как производить выборы в совет, какие отделы в совете создавать, откуда брать средства на оплату избранных и т. п. Там, где были уже организованы советы, в них не мало попадало людей, якобы «стоявших на платформе советской власти», т. е. на практике всеми силами тащивших эту «платформу» на эсеро-меньшевистские рельсы.

Приходилось всюду воевать с ними, разоблачать эту публику, как изменников Октябрьской революции, скрытых и открытых врагов народа, поклонников «господа бога», «царя-батюшки» и помещичье-капиталистической собственности. В массе они не имели поддержки, открыто выступать боялись и свою контрреволюционную работу проводили из-за угла и под «социалистическими» ярлыками. Нередко белогвардейцы из «социалистического» лагеря убивали отдельных видных большевиков и активистов, беспартийных рабочих и крестьян, самоотверженно боровшихся за утверждение советской власти на местах.

В Курске на одном собрании замаскировавшиеся под «социализм» предатели выступили с «защитой» еврейского народа и предложили наряду с организацией Красной армии приступить к организации особой еврейской армии. Это предложение было явно провокационным, рассчитанным на подрыв значения и роли будущей Красной армии, как классовой интернациональной силы. Оно было рассчитано на то, чтобы посеять среди несозна-

тельной части трудящихся вражду к еврейскому населению, и могло исходить только от черносотенцев, что впоследствии полностью и подтвердилось.

Приезжавший в ту пору из Москвы в Курск для агитации за это предложение «интернационалист-максималист» Дуняков разоблачен был впоследствии как провокатор и штатный агент царской охранки.

Самой трудной задачей был подбор руководящих работников для военных комиссариатов: военкомов и заведующих отделами. Все отказывались итти на эту работу по одним и тем же мотивам: «я не генерал, лучше завтра же уеду на фронт». Большинство коммунистов уехало на фронт, выбор был ограничен, и первое время нам приходилось, помимо всякой организационной работы, руководить вновь создаваемым военным аппаратом, пока не вводили назначенных работников в курс дела.

Спустя неделю товарищи осваивались с работой, и мы приступали совместно с ними уже к вербовке добровольцев в Красную армию.

Распаковывали привезенные из Москвы тюки плакатов и лозунгов, садились писать об'явления и листовки, тут же их размножали на пишущих машинках, от руки, типографским способом, в зависимости от технических возможностей места. Потом рассылали все это по предприятиям, мелким мастерским и коллективам. И, наконец, сразу в нескольких местах в течение дня собирали митинги и собрания, предварительно оборудовав несколько столов для записи добровольцев и вывесив тут же об'явление: когда, куда и с чем необходимо приходить.

Митинг обычно начинался кратким сообщением о положении на фронтах, контрреволюционных выступлениях генералов, помещиков, фабрикантов и кулаков против рабоче-крестьянской советской власти внутри страны. Краткий обзор событий заканчивался призывами вступать в ряды Красной армии.

С трибун мы замечали подозрительные физиономии, шныряющие то в одну, то в другую сторону. Они на ходу, небрежно и вызывающе кричали: «Прошу слова». Это были эсеры и меньшевики, мы их сразу узнавали. Речи они начинали с места и по трафарету, обвиняя большевиков «в разложении старой армии» и «в неспособности большевиков к созидательной работе, а тем более к созданию новой армии». «Вы вербуете солдат, создаете армию, спохватились, а командовать ею кто будет? Прапорщиков и тех вы разогнали». Нам почти не приходилось на это отвечать.

Один за другим на трибуну поднимались рабочие, крестьяне, бывшие солдаты и давали эсеро-меньшевикам уничтожающую отповедь: «Ваши господа офицеры такие же, как вы, — болтуны и командовать до поры до времени могли только безоружным на-

родом, а не армией на фронте. Я буду командовать, мы, рабочие, поведем свои красные войска».

Ехидные улыбки и смех меньшевиков и эсеров вызывали классовую ярость участников митинга. «Долой болтунов и предателей!», «Уходите поскорей, пока мы не начали командовать вами», — раздавалось отовсюду, и «социалистические» провокаторы, трусливо пятясь смывались.

У вербовщиков возле столов образуется очередь. Многие просят записать их в ряды Красной армии «до полной победы над всеми врагами во всем мире». Одни из оформленных тут же направляются нами в бывшие пансионы благородных девиц, купеческие клубы, особняки, волею победившего пролетариата ставшие красными казармами. Другие по договоренности уходят домой за имеющимся у них оружием и являются в «казармы» вооруженными.

Вечером в казармах проводили беседы о товарищах Ленине, Сталине, об октябрьских боях в Москве, о будущей новой жизни, о проклятой «муштровке» в старой армии, о сознательной пролетарской дисциплине в новой Красной армии. Потом играет гармошка, начинаются пляски и песни. Красные бойцы сразу чувствуют — другая стала жизнь...

Глубокой ночью вместе с военным комиссаром только что организованного военного комиссариата отправляемся на телеграф с донесением в штаб МВО. Из штаба тут же получали неизменно один и тот же ответ: «оставьте необходимое количество армейцев для охраны важных постов, остальных направьте в распоряжение штаба округа».

Но кого «оставить»? Никто не хочет, все требуют отправки на фронт. «Охрана важных постов» опять возлагается на рабочие дружины...

На вокзале все готово. Идем в рядах добровольцев. Встречает огромная толпа народа. Вагоны разукрашены красной материей с лозунгами: «Все на фронт, на защиту рабоче-крестьянской власти». На вокзальной площади организуем короткий митинг. Возле трибуны вербовщик сидит уже снова у своего стола. С трибуны раздаются прощальные речи и наказы представителей местных советских и партийных организаций драться до последней капли крови. В ответных выступлениях красноармейцев кипит классовая ненависть к врагам. Они клянутся вернуться домой лишь тогда, когда будут разбиты все белые генералы и их иностранные союзники, и призывают оставшихся уничтожать контрреволюционеров в тылу. В народе крики: «Да здравствует победа революции, ура!» У многих провожающих созревает решимость броситься в бой с врагами сейчас же, и буквально за пять—десять минут до отхода поезда тут же многие записываются в Красную армию и уезжают на фронт.

ЛИКВИДАЦИЯ ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТСКИХ ПРОВОКАТОРОВ

25 марта 1918 г. я вернулся из очередной командировки. Спустя час получены были сведения о контрреволюционном восстании в г. Егорьевске. Мне предложено немедленно выехать для выяснения дела, а если потребуется — и подавления этого восстания. Еду. Договорились отряда пока с собой не брать.

По приезде в Егорьевск иду прямо в центр города. Улицы переполнены народом. В отдельных местах особо густые скопления вокруг каких-то ораторствующих суб'ектов. Вслушиваюсь... Меньшевики и эсеры произносят погромные речи против советской власти и большевиков. Одобрения в массе они не получают, многие расходятся, но небольшие группки «своих людей» аплодируют. Невдалеке слышны выстрелы.

Бегу в совет, отыскиваю председателя совета. В это время в совет привели уездного комиссара коммунального хозяйства с разбитой и перевязанной головой. «Камнем ударили негодяи», — говорит он.

Ванюшины, Герасимовы, Головины и другие эсеры давно уже искали случая свести счеты с егорьевскими большевиками. И вот, когда совет постановил отобрать личный особняк фабриканта Бардыгина для нужд уездного совета, «социалистические» холуи Бардыгина сочли, что время для контрреволюционного выступления настало. Они разразились кучей демагогических обещаний. Кое-кто на эту удочку поддался, но масса отнеслась к вылазке контрреволюционеров с осуждением.

Вооруженные отряды рабочих выстроились около совета и ждут его приказа для разгрома эсеро-меньшевистских банд. Едем в центр организации этих банд — на фабрику Бардыгина и собираем там летучие митинги. Рабочие всюду нас приветствуют и негодуют против псов фабриканта.

В этот же день вечером собрание представителей фабрично-заводских комитетов вынесло следующую резолюцию:

> «Общее собрание заводских комитетов и комитета служащих фабрики Бардыгина совместно с Егорьевским исполнительным комитетом совета рабочих и крестьянских депутатов в присутствии представителя штаба Московского военного округа товарища Ростовцева обсудило контрреволюционное выступление против Егорьевского совета рабочих и крестьянских депутатов, явившееся следствием преступной агитации врагов рабочего класса, которые систематически разлагали рабочих, натравливая их против советов. Собрание находит необходимым в целях дальнейшей планомерной работы по устройству общественной жизни на новых социалистических

началах и укреплению власти советов рабочих и крестьянских депутатов немедленно подвергнуть аресту все контрреволюционные элементы, ведущие преступную агитацию против советской власти, и передать их в распоряжение следственных властей и Московского военно-революционного комитета».

Пока мы заседали и выносили эту резолюцию, подлые эсеро-меньшевистские провокаторы, убедившись в преданности и сплочении рабочего класса вокруг советской власти, трусливо бежали.

21 мая 1918 г. в штаб округа приехал серпуховский уездный военный комиссар и сообщил о начавшемся восстании «анархистов» в городе. Мне срочно предлагают выехать на место. Едем на автомобиле в Серпухов, предварительно распорядившись, чтобы на Курском вокзале, на случай моего телеграфного вызова, дежурил вооруженный рабочий отряд.

На месте выяснилось следующее. Некий Гайдуков, сын местного огородника, некоторое время тому назад втерся на работу в агитационно-вербовочный отдел уездного военного комиссариата. Воспользовавшись тем, что красноармейцы и большинство коммунистов уехали на чехословацкий фронт, он за 1½ месяца навербовал в Красную армию около 200 «добровольцев», в большинстве из кулацких сынков и уголовных элементов.

Получив оружие, эта банда об'явила себя «анархической частью» и под командой Гайдукова ворвалась в уездную тюрьму, освободила всех арестованных уголовников, а на их место посадила охрану тюрьмы и некоторых местных работников.

Затем пьяная банда направилась в центр города и приступила к грабежам магазинов и лавок, забирая все, что попадало: обувь, одежду, продукты, которые тут же раздавала проходившим обывателям при возгласах: «Долой всякую власть», «Да здравствует анархия».

Шествия по городу буйствующей банды прекратились лишь часов в 12 ночи, после чего она возвратилась к себе в казармы.

Около двух часов ночи мы с начальником уездной милиции, 5—6 милиционерами и несколькими рабочими произвели разведку и выяснили, что большинство бандитов уже спало, другие сидели и допивали остатки «ханжи», рассматривая награбленные вещи. Когда улеглись и остальные, мы решили действовать. Один из наших товарищей, разыграв из себя пьяного, подозвал дежурного и завел с ним разговор, а тем временем трое сзади схватили этого дежурного, без шума вытащили на улицу и обезоружили. Я пред'явил ему свой мандат, пригрозил расстрелом, если он вздумает поднять тревогу. С помощью арестованного мы вызвали, схватили и обезоружили остальных караульных.

Пройдя в казарму, мы быстро вынесли находившиеся там винтовки и спрятали их во дворе. Расставили своих часовых и скомандовали: «Встать». Все вскочили. Начальник уездной милиции сообщил, что я приехал из штаба округа с отрядом краснорамейцов, и предоставил мне слово. Я об'явил, что все они арестованы.

Внезапность всего происшедшего привела всех их в крайнюю растерянность. Произведенным на месте опросом я установил, что среди бандитского сброда была некоторая часть бывших солдат старой армии, несколько рабочих и крестьян, запуганных Гайдуковым и его помощниками. Без длинных об'яснений они поняли, что обмануты, действовали наруку контрреволюции, и просили отправить их на фронт бороться за советскую власть.

Утром главаря шайки Гайдукова я под арестом увозил на машине в Москву. Вчерашние его сторонники, а сегодня враги насмехались над бандитом...

Ленинский декрет об организации комбедов ударил по кулакам и еще больше развязал в деревне классовую борьбу.

В ту пору я работал в Можайске. Здешние работники к выполнению декрета отнеслись формально: сказывалось местное и далеко не бедняцкое происхождение части из них, опасавшейся обидеть зажиточных сватьев и кумовьев.

Выборы комбедов здесь проходили кое-где самотеком, в состав их, в ряде случаев, проходили мало авторитетные люди и даже антисоветские элементы (например, в Бородинской и Корочаровской волостях). Кулаки, спекулянты, церковники повели бешеную агитацию против комбедов. Они применяли спаивание, подкупы, угрозы и открытый террор против бедняцкой массы села.

Для бедноты и батраков проведение декрета было вопросом жизни. Но масса беднейших и маломощных крестьян еще не вполне освободилась от вековой запуганности и не имела необходимого политического опыта. Подчас она при выборах молчаливо пускала в комбед волков в овечьей шкуре.

Бедноте нужно было большевистское руководство и опыт пролетарской организации.

На мою долю выпала работа в Бородинской волости. Изолировав кулацкие элементы, мы создали вскоре настолько боеспособный комбед, что он уже влиял на политику совета.

Бородинский волостной с'езд советов единогласно принял постановление, в котором «считает, что назревший продовольственный кризис вызвал необходимость переучета хлеба, и призна-

ет политику советской власти правильной. С'езд предлагает срочно провести учет всех паразитических элементов и провести полностью в жизнь лозунг: «Не трудящийся не ест», исключая всех неработающих и уклоняющихся от работы с продовольственного пайка».

За пять дней работы комбеда и реквизиционного отряда в волости было обнаружено у кулаков свыше двух тысяч пудов излишнего хлеба. У отдельных кулаков находили зарытыми в солому в погребах и ямах по 100—150 пудов. Часть реквизированного хлеба тут же распределяли среди голодающих волости, остальное отправляли рабочим в Москву и Красной армии.

Руководимые партией ленинские комбеды дали хлеб миллионам людей и укрепили советскую власть.

ДОКУМЕНТЫ

Публикуемый ниже материал служит документальной иллюстрацией к помещенным в сборнике воспоминаниям.

Этому назначению материала подчинена и его систематизация по разделам.

Политическая оценка печатаемых документов дана в предисловии к сборнику. Отдельные замечания фактического порядка приведены в постраничных сносках.

Часть документов печатается в сокращенном виде. Стиль подлинника сохранен.

Внутри каждого раздела документы размещены в хронологическом порядке.

I. ЗА МИР, ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ ПОД ЗНАМЕНЕМ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

№ 1. «Да здравствует газета «Правда»!

Напечатанные в «Правде» протесты солдат против недопущения керенщиной большевистских газет на фронт.

Мы живем в свободной стране, где, казалось бы, следовало пресекать всякую нечестную, темную, гнусную работу волков в овечьей шкуре. Почему же не предпринимаются никакие меры для упорядочения дел в министерстве почты и телеграфа. Мы, солдаты, сидящие в окопах, хотим, чтобы к нам на фронт доходили не только буржуазные газеты «Речь», «День» и пр. Они доставляются с большой исправностью. А наши рабочие газеты, стоящие на страже наших интересов, как «Правда» и «Солдатская правда», к великому нашему горю, до нас не доходят. А ведь мы выписываем именно эти газеты.

Пусть будут приняты меры к устранению тех почтовых служащих, которые не хотят признавать свободы.

Мы требуем этого.

Д. арм. 730-й пехотный полк *Козицын.*

Я, солдат действующей армии, выписал «Правду» 25 апреля по двум адресам и до сих пор не получил ни одного номера. Для меня ясно, что газеты перехватываются где-то на почте, лишь бы они не попали в действующую армию. А мы читаем газету «Правду» с большим вниманием и признаем, что она пишет одну только искреннюю правду. Мы приветствуем ее и готовы защищать ее с оружием в руках. Здесь мы видим ее редко, и многие стараются ее очернить, но мы не настолько темны и умеем отличить белое от черного.

Да здравствует газета «Правда»!

Усть-двинский крепостн. пехотный полк 10-я рота
Анисим Сорокин.

„Правда“ № 78 от 10 (23) июня 1917 г., под заголовком „С фронта“.

№ 2. «Нашим лозунгом является призыв революционного пролетариата: вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Из резолюции собрания солдат 303-го пехотного Сенненского полка 17 июня 1917 г. о войне и отношении к Временному правительству, помещенной в «Окопной правде», с приветствием от редакции революционному полку.

Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть дикая затея империалистов, ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынка финансового капитала и из-за подчинения слабых народностей сильным. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. У нас же затягивание войны кроме того несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию.

Вступление представителей Петроградского совета во Временное правительство ни больше, ни меньше как ошибка Совета, оно не изменяет и не может изменить характер современной империалистической войны, так как вожди Совета, независимо от своих добрых желаний, будут втягиваться (что уже заметно) во все более и более активное участие в войне, фактически осуществляя интересы русского и англо-французского империализма, прикрывая своим именем грабительские планы и секретные договоры союза империалистических правительств.

Предостерегая товарищей рабочих и солдат всех частей фронта и тыла, заявляем, что надо строго отличать отказ от аннексий и контрибуций на словах и отказ от аннексий и контрибуций на деле, т. е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров.

Современную империалистическую войну можно окончить не насильническим, а истинно-демократическим миром, только посредством передачи всей государственной власти в руки класса трудящихся, т. е. Всероссийскому совету крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, который один способен положить конец гнету капитала.

Принимается подавляющим большинством против одного при трех воздержавшихся.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Мы в настоящее время видим, что наше Временное правительство, состоящее из 10 капиталистов и 6 социалистов, не может итти той дорогой, которую указывает ему воля народа.

Капиталисты поддерживают политику союзных империалистов, а только на бумаге дают нам понять, что они стараются провести в жизнь наши лозунги.

Наши социалисты своим вступлением в состав Временного правительства ни больше, ни меньше как только маскируют политику капиталистов и проводят в жизнь то, что они хотят, т. е. производят насилие над социалистами-интернационалистами, расформировывают насильственным образом полки, не подчиняющиеся их воле, и т. д.

Наше Временное правительство показало свое бессилие не только в отношении внешней политики, но и во внутренней, как-то: борьба с дороговизной, хозяйственной разрухой и пр. Поэтому мы признаем, что Временное правительство неспособно ни освободить нас от необходимости проливать кровь и подвергаться мучению в интересах капиталистов, банкиров, вообще всех жаждущих захвата, ни использовать все возможные средства спасения России от хозяйственного развала и угрожающей контрреволюции.

Нашим лозунгом является призыв революционного пролетариата: вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!

Пока же революционный класс России не взял государственной власти в свои руки, энергично будем поддерживать ту партию, которая ведет уже борьбу за справедливый мир без аннексий, контрибуций и на основе самоопределения народов и за переход власти в руки Советов.

В этом направлении мы должны продолжать агитацию и пропаганду среди товарищей солдат, указывая в особенности на то, что завоевания революции могут быть закреплены лишь при полном нашем разрыве с капиталистами и крупными землевладельцами, с империалистами всех стран, и что война может быть прекращена только революционным путем, борьбой пролетариев всех стран против капиталистов всего мира.

Принимаются подавляющим большинством против одного и одного воздержавшегося. От офицеров оглашается заявление, в котором они не считают для себя возможным присоединиться к принятым собранием резолюциям.

Председатель

Секретарь

После заседания состоялся полковой митинг, на котором единогласно всем полком были приняты большевистские лозунги (провозглашенные 18 июня в Петрограде).

К ТОВАРИЩАМ СЕННЕНСКОГО ПОЛКА

Считаем своим долгом от души поблагодарить вас всех, дорогие товарищи, поддерживающих в столь тяжелые и ответственные минуты борьбы перелом русской революции в желательную сторону не только для нашего российского пролетариата, но и для всемирного. Сейчас более чем когда бы то ни было грозит опасность добытым завоеваниям революции со стороны контрреволюционной буржуазии при тайной (пока) поддержке ее колеблющейся мелкой буржуазией — меньшевиками, народниками. Это показывают последние известия о наступлении, начало новых арестов товарищей интернационалистов большевиков (и у нас в Риге), всевозможные репрессии над нами, вплоть до попыток установить над нами предварительную цензуру.

Приветствуем всех товарищей Сенненского полка во главе с его ротными, командными и полковым комитетами и выражаем всем вам горячее пожелание и в будущем твердо стоять на выбранном вами пути дальнейшей революционной борьбы за идеал всех обездоленных и эксплоатируемых против угнетателей и эксплоататоров. На пути вашем будет много шипов—препятствий не только со стороны буржуазии в лице ее Временного правительства, но и в виде лжереволюционных организаций, где до сих пор еще полное засилье кадетствующих (офицеров), от которых и вам не миновать будет почувствовать попытки к насилию, но конечная победа будет всецело зависеть от вас, от вашей стойкости и энергии.

Приветствуем и поздравляем с первыми стойкими и революционными решениями. Знайте, что будущее за вами.

„Окопная правда“ № 25 от 28 июня 1917 г.

№ 3. «Мы требуем немедленной передачи центральной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов... Будем драться, как львы, за истинное дело социализма».

Из резолюции протеста солдат 479-го пехотного Кадниковского полка от 27 июня 1917 г. против империалистического наступления на фронте.

479-й пехотный Кадниковский полк. 27 июня 1917 г. Собравшись на полковое собрание в связи с приказом по военному ведомству от 23 июня и приказом по армии от 22 июня, полученным через комкора, обсудив настоящее положение, мы признаем, что контрреволюция началась и настоящие приказы, исходящие от Временного правительства, явно направлены против революции, чтобы запугать революционные силы пролетариата —

борца с империализмом нашей русской буржуазии, не желающей порвать связь с захватными стремлениями союзников. Мы, стоящие твердо на страже революции, категорически протестуем против вышеназванных приказов. Постановив не итти в наступление, которое придумано на пользу международным разбойникам-банкирам, фабрикантам, заводчикам и помещикам, ведущим кровавую войну ради захватов, мы протестуем против всяких расформирований воинских частей, потому что мы клянемся, в случае наступления противника, отразить его удар и не пустить его дальше. Не признавая себя изменниками дела революции, а, наоборот, стойкими борцами за конечные цели ее, за торжество социализма, мы требуем немедленной передачи центральной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Требуем немедленного установления контроля над производством и капиталами буржуазии. Требуем немедленно об'явления закона об уничтожении частной собственности на землю и перехода ее в руки трудового народа без выкупа. Да здравствует социалистическая революция. Да здравствует социализм.

Настоящая резолюция принята громадным большинством всех против 12 при 8 воздержавшихся.

За председателя: Федотов. Представители рот и команд.

„Правда“ № 98 от 2 (15) июля 1917 г.

II. ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ РАСПРАВЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НАД РЕВОЛЮЦИОННЫМИ СОЛДАТАМИ. В ДВИНСКОЙ ВОЕННОЙ ТЮРЬМЕ

№ 4. «Отказ итти в наступление волной распространяется на разные полки... Желателен немедленный приезд Скобелева».

Телеграмма комиссара Временного правительства при 5-й армии Ходорова об отношении частей армии к наступлению на фронте, посланная в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и военному министру.

Положение нашей армии крайне тревожное. Отказ итти наступление волной распространяется на разные полки. Ввиду предстоящей боевой задачи необходимо присутствие члена правительства. Желателен немедленный приезд Скобелева. Обращаю внимание на государственный характер происходящих событий 1914—Комиссар Ходоров.

Выехали *Скобелев* и *Лебедев*.

Пометка чернилами в оригинале:

ЦАОР, ф. 1235, оп. 36, д. № 178, л. 32.

№ 5. После «горячих речей» министров Временного правительства «создалось определенное мнение, что армия пойдет в наступление... но... нас встревожили слухи из Петрограда, и пришлось считаться с ненастной погодой, и операция была вновь отложена».

Из донесения комиссара Временного правительства при 5-й армии Ходорова об об'езде частей армии Скобелевым и Лебедевым, посланного 8 июля 1917 г. в Петроградский совет солдатских и рабочих депутатов.

Под угрозой вооруженной силы, как я уже сообщал в прошлом докладе, удалось из'ять главных зачинщиков из полков

Тюрьма 19/13/II 17 г.

В Следственную Комиссию.

Просим Следственную комиссию о политических заключенных принять к сведению, что 14го сентября 135 человек политических заключенных сидящих в Коллегиях в 74 коридоре №13 пищу принимать не будутъ. Просьба не сообщать на указанное число человек = 135, посланно Комиссаром тюрьмы

13й Коридоръ

Камеры 73 и 74.

Заявление группы арестованных двинцев о продолжении голодовки.

Получ. И.К.М.С.Р.Д. 9/IX -17 г. за № 10159

Копія.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ РАБОЧИХЪ ВОЕННО-АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ЗАВОДА
Москва, Лѣсная ул., № 28

9 сентября 1917 г.
№ 465

Въ Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Здѣсь.

Исполнительный Комитетъ рабочихъ при Военно-Артиллерійскомъ заводѣ требуетъ отъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ немедленнаго освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ томящихся въ Московскихъ тюрьмахъ и снимаетъ съ себя отвѣтственность за могущія произойти на этой почвѣ эксцессы.

Тов. Предсѣдателя /подпись/.

/М.П./

Секретарь / подпись/.

Съ подлиннымъ вѣрно: В. Подгорнов

Протест рабочих военно-артиллерийского завода против заключения в тюрьме солдат-большевиков.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Органъ Моск. Областного Бюро, Моск. Комитета и Моск. Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П

№ 155. 10 (23) сентября 1917 г. Ежедневная газета Московская Цѣна 10 коп. № 155.

В Бутырской тюрьмѣ шестой день голодовка. Рабочіе и солдаты! Требуйте освобожденія арестованных товарищей и разслѣдованія дѣла.

Орган МК и Областного бюро РСДРП (большевиков) — „Социал-демократ" призывает рабочих и солдат Москвы добиваться освобождения двинцев из тюрьмы.

36-й дивизии и части 182-й, не подчинившихся боевым приказам. Это из'ятие произошло без кровопролития и дало результаты, при которых пятую армию можно было повести в наступление, и можно было начать самую энергичную артиллерийскую подготовку... Таким образом, мы были под угрозой распространения заразы уже по новым мотивам и невозможности ликвидировать надвигавшиеся события силой, так как и для этой силы требовалась моральная поддержка. Начальствующие лица, руководившие операцией, не пользовались никаким авторитетом в смысле политического оправдания событий; так равно и мне и поручику Мазуренко, косвенно участвовавшим в окружении и давшим на него свою санкцию, было очень трудно оправдывать самолично свои поступки. Таким образом, явилось совершенно необходимым присутствие на месте и определенное заявление от лица Временного правительства представителя власти, поставленной волей всей демократии России. Вот почему я настоятельно просил министра Скобелева приехать и могу уверенно сказать, что приезд его и товарища Лебедева 1 июля сыграл немалую роль в деле правильного понимания приказа о наступлении[1].

Далее министры продолжали об'езд фронта. В 67-м Тарутинском полку, отказавшемся накануне исполнить приказ о переходе на новую позицию, министр Скобелев произнес горячую речь с вызовом солдат, отказавшихся исполнить боевой приказ. Вышел всего один солдат. Сильное впечатление произвело на полк напоминание бывшим жандармам и полицейским о необходимости боевой службой искупить свою вину перед родиной. В результате полк обещал исполнить приказ...

В 22-й дивизии, куда затем направились министры, выстроились три с половиной полка, причем два батальона 87-го Нейшлотского полка пришли встречать министров с ружьями. Обойдя солдат, товарищ Скобелев приказал солдатам, пришедшим с ружьями, немедленно их составить. Большая часть смущенно исполнила приказ и сложила винтовки. После этого министр произнес речь о революционном порядке и о наступлении, как единственном средстве спасти революцию. Настроение огромного большинства собравшихся было хорошее.

После этих об'ездов полков создалось определенное мнение, что армия пойдет в наступление, когда услышит артиллерийскую подготовку. Образованные особые советы и комиссии при армии, корпусах и дивизиях, выделенные комитетами в целях кон-

---

[1] Какую в действительности „немалую роль“ „сыграл“ товарищ министра Лебедев, показывают воспоминания товарища П. Федотова. Солдаты отказались итти в наступление (см. стр. 16 сборника).

троля и улучшения технической стороны армии, сделали все возможное, чтобы поднять и поставить на должную высоту подготовленность армии в указанном отношении. Преодолев все препятствия, особенно губительную для армии инертность и нежелание работать по укреплению окопов и по улучшению дорог, выявленную полками, комиссии добились положительных результатов. Благодаря этому русская армия как в смысле продовольственных запасов, артиллерийского снабжения, количества артиллерии, так и в санитарном состоянии и вопросе эвакуации и даже состоянии дорог, — никогда не была в таких благоприятных условиях. Учитывая общее положение вещей, наступление наше на юго-западном фронте, техническое состояние армии, несовершенное, но значительно улучшенное, отсутствие немецких сил на нашем фронте, наступление должно было начаться 6 июля.

Но уже пятого числа нас встревожили слухи из Петрограда, нашей стратегии пришлось срочно применяться к новому фронту, пришлось считаться с ненастной погодой, и операция была вновь отложена.

Комиссар *(подпись)*

ЦАОР, ф. 1235, оп. 36, д. № 142, лл. 4—5.

№ 6-10. Сотнями и тысячами арестованных на позициях солдат под конвоем ведут в Двинск. Военные тюрьмы переполнены.

Из телеграфной переписки штаба 5-й армии о карательных экспедициях против полков, неповинующихся Временному правительству

НАШТАСЕВ.
29. VI. 1917 г.
от 5 армии.

Сегодня предпринятой экспедицией против 642 полка арестовано 600 солдат. Аресты в других полках по указанию комитетов продолжаются. В тюрьму переведено около 200 зачинщиков и агитаторов, остальные арестованные по отобрании от них подписки распределены по шести дивизиям. Общее настроение в армии заметно улучшилось, 22, 21, 35 дивизии выполнили боевой приказ 4434.

Двинск. 30 июня.

Свечин.

ГЛАВКОСЕВУ.
29. VI. 1917 г.

Сегодня произведено было вооруженное воздействие на полки 142 и 143, в которых оказались выданными не все зачинщики, и на 727 и 728, которые не выполнили боевого приказа; арестовано 43 зачинщика и обезоружено около 3 тысяч солдат различной виновности. Дело обошлось без кровопролития, но полки 13 корпуса вследствие произведенного отбора значительно поредели.

4407. Двинск. 28 июня.

Данилов.

НАШТАСЕВ.
1. VII, 1917 г.

1 июня арестовано 80 зачинщиков Красноярского полка. Вооруженного сопротивления оказано не было. Почти вся масса обезоруженных солдат, сконцентрированная в интендантском городке, пересмотрена, распределена по категориям и направлена на пополнение слабейших дивизий.

4457. Двинск 1 июля

Свечин.

ГЛАВКОСЕВ.
12. VII. 1917 г.

Какой пункт следует направить свыше двух тысяч солдат Сухинического полка сплошь разбойников и грабителей, коих предполагаю арестовать в ближайшее время и из числа коих важнейшие зачинщики будут выделены.

Вопрос срочный.

Двинск 12 июля

Данилов.

13, VII, 1917 г. В 5 арм.
КОМАНДАРМ, 5.

Копия Главновокр Двинский

41/Ос. Около двух тысяч арестованных солдат надлежит отправить:

Полторы тысячи Полоцк и 500 Невель. Охрану, которая остается с арестованными указанных пунктах назначить вашим распоряжением. О времени отправления следует уведомить Главновокра Двинского для отдачи им соответственных приказаний. 12 июля № 480.

(Подпись).

ЦВИА, д. № 221—616, лл. 35, 43, 49, 90, 91.

№ 11. Арестованных некуда девать. «Не приводить в Двинск тысячи неповинующихся... Применять оружие для приведения в повиновение, действуя беспощадно» на месте.

Распоряжение штаба 5-й армии штабом войсковых частей со ссылкой на указания Керенского

Командарм подтверждает категорическое требование не приводить в Двинск тысячи неповинующихся. Согласно указаний Военмина и Главковерха надлежит применять оружие для приведения в повиновение, действуя беспощадно против бунта в самом зародыше. Арестовывать надлежит лишь зачинщиков. Вместе с сим командарм приказал категорически прекратить всякое поименованное голосование за исполнение оперативных приказаний, так как против всякого, выражающего сомнения в необходимости исполнения таковых, немедленно должно быть применено оружие.

№ 46/00 Двинск 13 июля Наштарм 5

Свечин.

ЦВИА, д. № 445—311, л. 82.

№ 12-13. Как «приводился в повиновение» 303-й Сенненский полк.

Телеграфный приказ штаба 5-й армии от 19 июля начальнику 1-й кавалерийской дивизии о приведении в повиновение 303-го пехотного Сенненского полка и рапорт полковника Твердопрахова об исполнении приказа от 21 июля 1917 г.

Командарм приказал командировать завтра 20 июля к 11 часам в Биркинели 2-й Амурский казачий полк с конной батареей в распоряжение комиссара поручика Лункевича для приведения в повиновение 503-го пех. Сенненского полка.

К отряду будет придано два броневых автомобиля.

Черный.

Телефонограмма № 405.

Для исполнения задачи полк выступил 8 час. 20 июля, прибыв Мызу Биркинели в распоряжение комиссара Временного правительства при 5 армии. В 12 час. 30 мин. отряд — 2 сотни со взводом конной батареи с 2 броневиками был направлен в деревню Степенишки для приведения в повиновение пулеметных и саперных команд 303 полка. По оцеплению сотнями деревни команды выдали зачинщиков в числе 20 человек, которые под кон-

воем 10 казаков 4-й сотни при записке комиссара отправлены в Двинск к этапному коменданту[1]. В это время другие 2 сотни с пехотными полками оцепили 1 батальон у деревни Копкаришки и 2 батальона у деревни Молунишки и Устиново. По окончании усмирения пулеметной команды 2 сотни продвинулись к деревне Копкаришки, где также зачинщики из 1 батальона были отправлены под конвоем 10 казаков в Двинск. После этого все сотни были двинуты в деревню Молунишки и Устиново, в которых было 2 батальона 303 полка, где также были скоро выданы зачинщики и отправлены под конвоем казаков 5 сотни 2 группами в Двинск. Вся операция была произведена без выстрела. Закончилось в 20 час. Полк прибыл на место 21 июля 1 час.

Полковник *Твердопрахов.*

ЦВИА, д. 428—100, лл. 73, 76.

№ 14. «Сослать всех в каторжные работы».

Выписка из копии приговора соединенного суда корпусов 5-й армии, вошедшего в законную силу 19 августа 1917 г., по делу о девяти солдатах 540-го пехотного Сухинического полка

Суд постановил: Солдат 540-го пехотного Сухинического полка Петра Жукова, Кирилла Богданова, Егора Елисеева, Марка Блиндаря, Степана Калугу, Алексея Царева, Трофима Калинчика, Дмитрия Микулина и Александра Шарипова за учиненное ими по взаимному между собой и другими военнослужащими соглашению явное восстание во время войны, по исключении из военной службы, лишить всех прав состояния, а Калинчика и георгиевского креста 4 ст. и сослать всех в каторжные работы — Жукова и Богданова без срока, Елисеева и Блиндаря на пятнадцать лет каждого, Царева на двенадцать лет и Калугу, Калинчика, Микулина и Шарипова на десять лет каждого.

Подлинный подписал

Председатель суда, военный судья полковник *Юрьев.*

И. д. секретаря губернский секретарь *Попов.*

С подлинным верно:

вр. прикомандированный к надзору прапорщик *Обухов.*

ЦВИА, д. № 54—310, л. 180.

---

[1] Каратель злостно извращает обстановку. Весь полк отказался назвать большевистских солдат. Они были арестованы по заранее составленному офицерами списку (см. документ № 17).

№ 15. «Заслушано и решено 2 дела о 51 обвиняемом, из них 23 человека осуждены на каторгу».

Справка Комиссара Временного правительства Ходорова во фронтовую комиссию Военного отдела Всероссийского центрального исполнительного комитета

СПРАВКА

Чрезвычайная следственная Комиссия учреждена 26 июля 1917 г. За это время возникло 55 дел, из них закончено дознанием и передано прокурору 31 дело на 368 обвиняемых; из них составлены обвинительные акты и переданы в Суд 28 дел на 272 обвиняемых.

Заслушано и решено 2 дела о 51 обвиняемом, из них 23 человека осуждено на каторгу, 14 более легкие наказания—вплоть до гауптвахты, 14 — оправдано.

Комиссар *А. Ходоров.*

ЦАОР, ф. 1235, оп. 36, д. № 180, л. 78.

№ 16. «За революционную речь присуждают к каторге».

Отклик органа МК и Областного бюро РСДРП (большевиков) «Социал-демократа» на письмо солдат, содержащихся под арестом в Двинском интендантском городке

В Двинском интендантском городке сидит множество солдат 5-й армии, арестованных за указание командному составу на незаконность его распоряжений, за чтение социалистических газет и т. д. Среди них много членов полковых и ротных комитетов, много боевых окопников, три года несших тяжесть войны на своих плечах. Товарищи пишут, что они арестованы без соблюдения юридических формальностей, по простому доносу без предписания судебных властей. Более месяца им не пред'явлено никаких обвинений. За революционную речь присуждают к каторге. Товарищи обращаются к ЦИК с требованием выступить на защиту попранных прав многих тысяч солдат, томящихся в Двинской тюрьме.

„Социал-демократ“ № 147 от 31 августа (13 сентября) 1917 г., под заголовком „По революционным тюрьмам“.

№ 17. Эсеро-меньшевистские армейские комиссары — исполнители приказа Временного правительства о восстановлении на фронте смертной казни.

Из отчета комиссара Временного правительства при 5-й армии фронтовой комиссии Центрального исполнительного комитета о карательных мерах против солдат армии за период с 16 по 23 июля 1917 г.

Приказ о смертной казни вызвал в одной из частей крупное недоразумение, так, в Московском и Тарутинском полках 17-й дивизии были летучие митинги, на которых решено было итти вооруженной манифестацией в Двинск с протестом против Временного правительства и смертной казни. Приказ о смертной казни читался с приложением статей книги 22 С. В. П. 1869 г. и слова «нижний чин» и пр. выражения старого режима вызывали недоразумения и недовольство. По моему предложению командарм обещал раз'яснить эту редакционную неточность. Во всяком случае, в связи со всем изложенным, перелом наступил: занятия в частях ведутся, работа по укреплению позиций и в тыл совершается и на участках фронта, где еще так недавно были случаи братания, теперь идет перестрелка. Перелом совершается, нужна вся энергия для доведения его до удачного завершения.

Что касается отдельных корпусов, то отметить в них можно следующие эксцессы и осложнения:

В 27-м корпусе, 303-м полку, 76-й пехотной дивизии, все время находившихся в состоянии полного разложения, отказались работать и выйти на занятия. Полк был окружен, зачинщиков сам не назвал и по списку, составленному за подписью и ручательством ротных и батальонных командиров, был произведен арест 138 человек, доставленных в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии. 12 человек, наиболее виновных в происшедшем, бежало в ночь перед оцеплением. Арестованными оказались и члены полкового комитета. При арестах как 138, так и этих трех никаких эксцессов не происходило. В том же корпусе не совсем благоприятные впечатления производит 4-я Особая дивизия.

В 19-м корпусе имел место указанный выше случай — попытки устроить вооруженную манифестацию, причем часть Московского полка вышла ночью на площадь крепости в полном вооружении, когда узнала, что посланные делегаты в Бородинский и Бутырский полки для приглашения на манифестацию арестованы.

После крика «кавалерия» началась беспорядочная стрельба (20—30 выстрелов). Побросав винтовки, вышедшая группа раз-

бежалась. На самом деле никакой кавалерии не было. Дивизионный и полковые комитеты Московского и Тарутинского полка взяли на себя обязанность отыскать и арестовать зачинщиков. В остальных частях корпуса положение изменилось к лучшему. Худшие полки (Пятигорский и Владикавказский) по работам могут считаться примерными. В 732-м полку 183-й дивизии было арестовано четыре человека за то, что они помешали химикам в работе по приготовлению к выпуску газов. В 38-й дивизии арестовано два за хождение к немцам, причем один принес немецкие газеты из секрета противника.

В 14-м корпусе не было случаев ни эксцессов ни арестов. Настроение улучшилось, идут работы и занятия.

В 37-м корпусе расформирован 540-й пехотный Сухинический полк По поводу 15 отдельных обвинений, как уголовных, так и воинских, арестовано в нем 80 зачинщиков. В 539-м Боровском полку четыре человека пошли брататься, были арестованы, преданы военно-революционному суду, приговорены к смертной казни единогласно и расстреляны своей же ротой[1]. По аресте, этих четырех на следующий день один солдат направился к немцам, но был по дороге расстрелян своими же. В 717-м полку часть полка не вышла на занятия. Арестовано 10 человек, которые будут преданы суду. Произведена чистка в 483-м и 484-м полках, отказавшихся в период наступления исполнить боевые приказы. В 483-м полку арестовано 138 человек, в 484-м полку — 66 человек. После улаживания эксцессов замечается значительное улучшение настроений в частях.

В 13-м корпусе в Софийском полку 1-й дивизии имел место случай стрельбы офицера в солдата. Расследование ведется, дивизия ушла на юг в полном порядке, и дело будет передано той армии, куда уйдет дивизия. В остальных дивизиях корпуса работы идут напряженно и хорошо. Полки выделяют роты смерти.

В 1-м армейском корпусе неровное настроение наблюдается лишь в 23-й дивизии, особенно в 85-м Выборгском полку. В остальных дивизиях корпуса настроение надежное.

В общем истекшая неделя принесла заметное улучшение господствующего настроения и сократила число случаев репрессивного воздействия. Методы оздоровления армии: культурно просветительной работой, введение строевых занятий и репрессия как мера крайняя и исключительная.

Комиссар *(подпись неразборчива).*

ЦАОР, ф. 1235, оп. 36, д. 180, лл. 76—77.

---

[1] Это циничный клеветнический поклеп на солдат. Расстрел большевиков и солдат произведен отрядом члена чрезвычайной следственной комиссии 5-й армии штабс-капитана Христо (см. документ № 25).

№ 18-21. Эсеры и меньшевики в роли палачей революционных солдат.

Выдержки из заметок московской меньшевистской газеты «Вперед» за 1917 г., в которых цинично популяризируются кровавые репрессии против революционных войск фронта со стороны эсеро-меньшевистских комиссаров Временного правительства

КОНФИРМАЦИЯ ПРИГОВОРОВ

По раз'яснению комиссара... армии приговоры военно-революционных судов подлежат конфирмации не одного только комиссара, но комиссара и командующего армией. На конфирмацию этих лиц восходят только смертные приговоры, другие же приговоры суда вступают в законную силу немедленно по об'явлении их на суде и безотлагательно приводятся в исполнение, если суд не постановил ходатайствовать о смягчении участи осужденного. Офицеры предаются суду начальником дивизии. Командиры полков предаются суду по распоряжению соответствующих высших властей.

„Вперед" № 144 от 29 августа 1917 г.

СМЕРТНЫЕ ПРИГОВОРЫ И КОМИССАРЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Сознавшихся убийц генерала Пурнасова, командира Дублянского полка — Гадаулина и Хамидулах—Военно-революционный суд дивизии приговорил к смертной казни с ходатайством о смягчении участи ввиду сознания подсудимых. Смертная казнь, однако, комиссаром армии Гродским утверждена.

„Вперед" № 137 от 20 августа 1917 г.

ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ О КОМИССАРАХ

Применение вооруженной силы вне боевой обстановки недопускается помимо комиссаров; при участии комиссаров производится расформирование частей в качестве крайней меры.

„Вперед" № 151 от 10 сентября 1917 г.

№ 22. «По своду военных постановлений 1869 г. к лишению всех прав состояния и к смертной казни через расстреляние».

Из приказа по штабу 135-й пехотной дивизии от 18 июля 1917 г. за № 199

Об'являю для сведения, что приговор Военно-революционного суда при отряде генерал-майора Мартынова от 18 июля 1917 г. по делу солдат 539-го пехотного Боровского полка младших унтер-офицеров Егора Симонова и Федора Кучерова, ефрейтора Степана Харитонова и рядового Гавриила Кузнецова, осужденных на основании 243 ст. XXII книги С. В. П. 1869 г. лишению всех прав состояния и к смертной казни через расстреляние, приведен сего числа в 6 часов 30 минут (не подлежит оглашению).

Подлинный подписал начальник штаба
полковник *Тунцельман.*

ЦВИА, д. № 489—741, л. 24.

№ 23. «За дерзость и грубость унтер-офицера Гордиенко предать смертной казни через расстреляние».

Из приказа по 732-му Покройскому полку от 28 июля 1917 г. № 190

ПО СУДНОЙ ЧАСТИ

Приговор

1917 г., июля 27 дня, 20 часов, Военно-революционный суд при штабе 183-й пехотной дивизии, рассмотрев дело о старшем унтер-офицере Гордиенко 7-й роты 732-го Покройского полка, признал его виновным в дерзкой выходке против своего ротного командира подпоручика Леоненко, сопровождавшейся в насильственной и грубой форме во время исполнения последним служебных своих обязанностей, а потому и на основании ст. 98 свода Военного постановления и приказа по войскам 5-й армии от 14 июля 1917 г. за № 603 постановил:

Подсудимого старшего унтер-офицера Алексея Нестеровича Гордиенко по лишении всех прав состояния предать смертной казни через расстреляние.

Председатель поручик Пыптев. Члены: поручик Заозерский, прапорщик Голубев, младший унтер-офицер Протасов, младший унтер-офицер Поляков и рядовой Венедиктов. На основании § 14 постановления Временного правительства от июля 1917 г. об'явленный приговор вступил в законную силу по об'явлении, т. е. в 20 часов 27 июля, и подлежит безотлагательному приведению

в исполнение, посему приказываю вр. командующему 732-м Покройским полком безотлагательно привести установленным порядком в исполнение приговор суда над Алексеем Нестеровичем Гордиенко.

Подл. подписал командующий дивизией
генерал-майор *Литот-Лотоцкий.*

Верно: Врид. команд. полком подполковник *Шкленник.*

ЦВИА, 547—796, л. 734.

№ 24. «Унтер-офицер 732-го пехотного полка Гордиенко, приговоренный 27 июля к смертной казни, в 20 часов того же дня был расстрелян».

Приказ командующего армиями северного фронта генерала Клембовского от 8 августа с. г. за № 597

...Унтер-офицер 732-го пехотного полка Гордиенко, укрепляемый в своей злодейской деятельности внушениями и помощью различных агитаторов и предателей родины, прикрыв свои изменнические планы лицемерным охранением интересов солдат, не подчинился боевому приказу своего ротного командира, угрожал ему винтовкой и требовал от командира немедленного освобождения изменников солдат, арестованных за противодействие нашей газовой атаке.

27 июля военно-революционный суд приговорил его к смертной казни, и в 20 часов того же дня изменник делу свободного отечества был расстрелян.

Подписал: главнокомандующий армиями
генерал от инфантерии *Клембовский.*

ЦВИА, д. № 428—102, л. 87.

№ 25. За что был расстрелян унтер-офицер Алексей Гордиенко?

Заявление солдат команды двинцев Московскому совету рабочих депутатов, разоблачающее опричников керенщины

(Из команды двинцев при Савеловском госпитале)

Заявления солдат о расстрелах на двинском фронте.

1) В местечке Илукст в районе двинского фронта 28 июля с. г. был расстрелян солдат 732-го пехотного Покройского полка, 7-й роты Алексей Гордиенко. Расстрелян был Гордиенко за то, что он во время арестов своих товарищей солдат стал требовать от

командира полка прекратить незаконные аресты, так как арестованные не виновны ни в чем. Во время разговора с командиром полка он открыто высказал свои взгляды и политические убеждения и аресты назвал контрреволюционными. За это он был тут же задержан, а в 4 часа утра был расстрелян.

При арестах в означенном полку участвовал комиссар 5-й армии Ходоров.

2) В ночь на 16 июля с. г. на двинском фронте в местечке Барский двор Мурлишки в десяти верстах от станции Опса были расстреляны четыре товарища солдата 539-го пехотного Боровского полка 135-й пехотной дивизии за то, что они, по желанию всей роты, сняли со своего проволочного заграждения немецкие газеты, которые были ночью повешены.

Главное участие в обвинении и исполнении смертного приговора принимал член чрезвычайной следственной комиссии 5-й армии штабс-капитан Христо. И он же производил, по рассказам товарищей, в других частях подобные позорные деяния.

Записано со слов товарища Н. Макарова 540-го пехотного Сухинического полка, и других 30 солдат означенного полка.

3) Я солдат, Даниил Полуночев 69-го пехотного Рязанского полка, 11 июля с. г. принес в 71-й Белевский полк своему брату несколько экземпляров «Социал-демократа» и «Окопной правды». Означенные газеты быстро распространились среди солдат. Газеты были замечены офицерами, и меня тут же было приказано арестовать. Офицеры стали распространять среди солдат, что я немецкий шпион, и стали призывать солдат, чтобы со мной расправились самосудом. Меня схватили некоторые несознательные лица и чуть было не покончили со мной, но благодаря тому, что за меня вступился брат и другие солдаты, я избежал самосуда, но все-таки был арестован и отправлен в тюрьму, где пришлось просидеть два с половиной месяца.

Даниил Полуночев.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 3.

№ 26. Солдаты, заключенные в Двинской военной тюрьме, клеймят керенщину, требуют соблюдения элементарных судебных гарантий и гласности суда.

Резолюции революционеров, заключенных в Двинской военной тюрьме (400 человек).

Мы, заключенные революционеры, обращаемся к судьям «революционного» суда [1]. Неужели до сего времени не проснулась ва-

[1] Восстановленные на фронте военно-полевые суды Временное правительство переименовало в военно-„революционные“ суды.

ша совесть. Вы приговаривали наших товарищей к 12—20-летней каторге только за то, что они не так смотрят на жизнь, как вы. Неужели вашу совесть не волнует стон, предсмертный стон ваших братьев, отцов, жен, детей и матерей, изнывающих четвертый год под гнетом войны и творящегося всюду произвола. Раньше этот произвол творился Николаем Кровавым и его прислужниками, теперь этот произвол творите вы — «революционные» судьи. Глубоко возмущенные вопиющей несправедливостью, творимой вами в сообществе с командным составом, мы пред'являем следующие требования: 1) немедленное пред'явление точно формулированных обвинений всем заключенным; 2) немедленное освобождение всех тех, коим не будут пред'явлены обвинения; 3) освободить всех малолетних, которых вместо школы ввергли в эти страшные тюремные стены; 4) для всех, кому пред'явлено обвинение, требуем скорого и справедливого суда, а также выдачи на руки копии приговора суда; 5) никого из тюрьмы не выводить ночью и этим не давать повода думать, что в свободной России существуют застенки; 6) товарищей, оставшихся недовольными судом, не отправлять отбывать наказание до пересмотра дела; 7) за 2—3 дня об'являть тем, которым назначено какое-либо отправление.

Настоятельно требуем в трехдневный срок, т. е. к 24 августа, к 10 часам утра дать определенный ответ. В противном случае будет об'явлена голодовка. Одновременно доводим до вашего сведения о солдате Соколовском, который голодает 4-й день, требуя пред'явления к нему обвинения.

„Социал-демократ“ № 143 от 28 августа (9 сентября) 1917 г., под заголовком „По революционным тюрьмам“.

III. ДВИНЦЫ В МОСКОВСКОЙ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ТЮРЬМЕ. ШЕСТИДНЕВНАЯ ГОЛОДОВКА

№ 27. «Свобода задыхается в смертной атмосфере военных положений...» Буржуи и эсеры, меньшевики и офицеры «хотели создать слепую армию в руках контрреволюции... мы противопоставили им свою революционную энергию... Нас бросили в тюрьму под замок... Просим произвести следствие... Шлем привет московскому пролетариату...»

Обращение заключенных в тюрьме двинцев через «Социал-демократ» к московским рабочим.

ГОЛОС АРЕСТОВАННЫХ СОЛДАТ-ОКОПНИКОВ.

Не успела еще смыться наша кровь, пролитая за землю, народовластие, свободу и мир на улицах Петрограда, как вновь мы увидели произвол. Вместо демократического мира мы получили буржуазное наступление на фронте, а землю нам дали в преждевременных могилах. Вместо свободы — корниловщина, а свобода задыхается в смертной атмосфере военных положений. Свобода очутилась под спудом: запретили митинги на фронте и в тылу. Этим хотели создать слепую армию в руках у контрреволюционеров. Поэтому мы, окопники, противопоставили им свою революционную энергию. Но нас оторвали силой по указке контрреволюционного офицерства и бросили в Бутырскую тюрьму под замок. И вот большинство из нас уже два месяца сидит без суда и пред'явления обвинений, а некоторых осудили на каторгу за речи и споры с офицерами корниловского направления. Что это? Спасение революции или подкоп под нее. Органам революционной демократии — Центральному исполнительному комитету и Московскому совету солдатских и рабочих депутатов просим дать по этому поводу ответ арестованным окопникам, которым запретили выписывать газету «Социал-демократ». Просим произвести следствие по поводу указанных несправедливостей. Шлем привет

московскому пролетариату. Арестованные солдаты-окопники в Бутырской тюрьме (следуют подписи).

„Социал-демократ“ № 155 от 11 (24) сентября 1917 г. под заголовком: „По революционным тюрьмам“.

№ 28. Корниловцы «спохватились»: не туда завезли! «Арестованных в 5-й армии 846 солдат и отправленных через Вязьму в Москву Главкосев приказал немедленно перевезти в Витебск...»

Телеграмма начальника штаба северного фронта генерала Лукирского командующему войсками Московского военного округа и другим от 11 сентября 1917 г.

Арестованных в 5-й армии 846 солдат за неисполнение боевых приказов и отправленных через Вязьму в Москву со следственной комиссией Главкосев приказал немедленно перевезти Витебск. Для охраны и конвоирования названных арестованных Главкосев приказал безотлагательно снарядить от пятой армии в распоряжение Главнавокр Двинского две надежных роты. О порядке ведения в дальнейшем следствия и суда указания будут вместе с тем сообщены через полевого прокурора северного фронта. О последующем Главкосев приказал донести.

Лукирский.

ЦВИА, д. № 221—616, л. 170.

№ 29. «Будем самую энергичную оборону вести как России, так и революции, а по воле буржуазии мы на захваты не пойдем. Прежде всего мы революционеры, а не разбойники-захватчики».

Письмо содержавшихся в Бутырской тюрьме двинцев в Московский совет рабочих и солдатских депутатов с освещением причин и условий их ареста и просьбой назначить следствие.

Московскому совету рабочих и солдатских депутатов

ТОВАРИЩИ!

Мы—солдаты 5-й армии, арестованные 28 июня с. г. командным составом, который в настоящее время показал свою корниловскую физиономию. Арестованы после того, когда расформировывали лучшие революционные полки, дивизии и корпуса указанной армии, за организованный отказ от империалистического наступления (23 июня с. г.). Самыми организованными бы-

ли: 36-я, 182-я дивизии и 1-й, 19-й корпуса. Эти части в вынесенных резолюциях говорили, что будут самую энергичную оборону вести как России, так и революции, а по воле буржуазии на захваты не пойдут. Прежде всего, мы революционеры, а не разбойники-захватчики. Мы с начала войны устами Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов заявили: «мы братски всем воюющим народам протягиваем руку через горы трупов и дымящиеся развалины». И что мы желаем мира без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение, а не Галича (австрийского), к которому гнали наших товарищей. Большинство армий были такого же настроения, как и мы, и также были расформированы: 7, 9, 10-я армии. А 12-я армия была более организована и не поддалась на расформирование. Расформирование шло при помощи броневиков и кавалерии, которых натравливали на нас гнусными наветами. Но мы не хотели братоубийственной войны и, несмотря на нашу внушительную силу, подчинились расформирователям. Этим самым командный состав открыл фронт. После этого у командного состава появились списки по своему усмотрению намеченных к аресту солдат, и их старательно арестовывали. Среди арестованных в подавляющем большинстве — члены полковых и ротных комитетов, делегаты и вообще партийные и сочувствующие люди. И посыпались на нас, арестованных, обвинения: в чтении и распространении газет «Правда» и др., в агитации и подстрекательстве. Но если мы только были противоположного убеждения, так зачем же они расформировывали в указанных армиях целые корпуса? Очевидно, большинство солдатской массы было с нами. Где же тогда воля революционной демократии? Она подавлена кавалерией и расформирована. Что же, это революция? Нет, контрреволюция, а мы—арестованные — жертвы ее. Этих жертв было в Двинске около 5 тысяч. И вот нас, арестованных, из Двинских интендантских складов в числе 869 человек, 27 августа закупорили в товарные вагоны и повезли неизвестно куда. Но когда доехали до Витебска, Витебский совет рабочих и солдатских депутатов нам разрешил открыть вагоны и снял конвой, который хотя и ехал с нами, но службу не нес. И нас свободных отправили на Смоленск. Из Смоленска нас направили на Москву. У Александровской летней платформы нас остановили, с здешним караулом повели в Бутырскую тюрьму. Комендант тюрьмы нам заявил, что здесь мы пробудем не больше 3—6 дней. И вот мы, 800 человек, очутились за решетками Бутырской тюрьмы. Вместо 3—6 дней сидим уже 12 дней, а все вместе взятое 3-й месяц. Большинству не пред'явлено обвинение. Есть осужденные на срочную и бессрочную каторгу за агитацию и неисполнение боевого приказа. Но этот приказ не исполнило большинство частей, так причем же десят-

ки солдат? Но видно они (командный состав), пользуясь удобным случаем, принялись арестовывать своих политических противников социал-демократов, большевиков и сочувствующих им. Где же свобода слова, печати и неприкосновенность личности, за которую мы боролись? Она душится в стенах каземата.

После всего изложенного просим Московский совет рабочих и солдатских депутатов содействия и восстановления наших попранных прав. Убедительно просим назначить следствие под вашим авторитетным контролем.

Да здравствует Московский совет рабочих и солдатских депутатов.

Арестованные солдаты, находящиеся в Бутырской тюрьме (следуют подписи). 11 сентября 1917 г.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., лл. 61—63.

№ 30. «Решили об'явить общую голодовку... чаша страдания переполняется...»

Письмо из тюрьмы солдат-двинцев в Московский совет рабочих и солдатских депутатов

Копия

Московский совет рабочих и солдатских депутатов

Получено 11 сентября за № 10202

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вскоре после событий в Петрограде 3 и 5 июля с. г. на фронте произошли, как вам, вероятно, уже известно, массовые аресты; арестованы в большинстве случаев члены ротных и полковых комитетов. Среди нас положительно все окопники, защищающие уже родину по 2—3 года. Среди нас есть много старших и младших унтер-офицеров, многие ранены по нескольку раз, затем есть много георгиевских кавалеров. Мы, сидя уже, как выше сказано, более двух месяцев арестованными, не получаем следуемого нам жалования и вообще, что следует солдату получить. Уважаемые товарищи, наши нервы больше не могут выдержать дальнейшего нравственного страдания и сидения, не зная положительно за что и про что.

Излагая вам, товарищи, кто арестован и за что, обращаемся к вам, как к истинным защитникам правды, и просим вас, уважаемые товарищи, посодействовать, насколько возможно, к скорейшему нашему освобождению. Если в ближайшие дни дела не начнут энергичнее разбирать и нас освобождать, а кто из нас

виноват, то пред'являть обвинения и судить, то мы решили об'явить общую голодовку, ибо чаша страдания переполняется.

С товарищеским приветом арестованные солдаты 5-й армии, томящиеся в Бутырской тюрьме. Москва, 9 сентября 1917 г.

Содержатся в количестве 762 человек во временной военной тюрьме дезертиров и числятся за прокурором 5-й армии, причем 73 человека осуждены на разные сроки.

Комендант тюрьмы дезертиров прапорщик *(подпись)*.
10 сентября 1917 г. С подлинным верно *(подпись)*.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 64.

№ 31. «Товарищи, выручайте. 13 сентября об'являем голодовку...»

Из письма заключенных в тюрьму двинцев в Московский совет

От арестованных солдат 5-й армии, которые взяты из окопов уже третий месяц. Нет им никакого расследования, потому что их арестовали незаконно офицеры по своему желанию, для того, чтобы лучше запугать остальных, а самим действовать для пользы своей. А мы солдаты-окопники не хотим делать то, что им надо, потому что мы увидели неправду, как в старые годы гнали в Сибирь и в каторгу самых лучших борцов за трудящийся народ. Товарищи солдаты и товарищи рабочие, не за это ли мы сидим. Будьте настолько видными и гляньте на эти жертвы, которые уже 4-й год были на самом жарком западе, где и зимой, когда были на 4 аршина вглубь, и то мы не дрогли, а давали себе крепость и смелость, но когда попали в Бутырскую тюрьму, то нам комендант и все надзиратели грозят и сулят вооруженную силу за то, что потребовали газет или члена Центрального комитета.

Товарищи солдаты и товарищи рабочие, неужели мы вам не нужны, что вы к нам никто не придете, не дадите знать, что делается на свете. Товарищи рабочие и товарищи солдаты, посмотрите на нас, кто мы и на кого похожи за 2 месяца. Один раз были в бане и то без белья, а своего у нас нет, вот а дальше терпеть нельзя, закурить нечего, денег нет. Товарищи, выручайте.

13 сентября об'являем голодовку, 400 человек, жертвуем собой.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 11.

№ 32. «Обманывали нас те, которые с буржуазией блокируются... Для нас: свобода или смерть».

Резолюция от 12 сентября 1917 г. начавших голодовку двинцев, требующих немедленного их освобождения

Мы терпели. Мы верили. Ждали не дождались. Все обман. Обманывали нас те, которые с буржуазией блокируют. Жмут руки, плачут, целуются, кричат, что они любят, хотят благо только для народа. А между тем людей, которые хотят не на словах, а на деле, сажают в тюрьму, говоря — вот вам «земля и воля». Среди нас в нижеозначенном списке нет никого за убийство, воровство и шпионство. Все мы сидим за то, что честно и открыто высказывали свое мнение и убеждение.

Мы требуем немедленного освобождения. Если в течение двух дней не последует освобождение, то мы решили умереть, но виновными себя не признаем, так как сам наш арест есть не что иное, как контрреволюционный удар по демократии, а посему для нас свобода или смерть.

(Подписи) 305 заключенных двинцев.

Тюрьма. 13 сентября 1917 г.

В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

Просим следственную комиссию политических заключенных принять к сведению, что 14 сентября 135 человек политических заключенных, сидящих в камерах 73 и 74 коридора № 13, пищу принимать не будут. Просьба не готовить на указанное число человек — 135. Послана коменданту тюрьмы.

13-й коридор. Камеры 73 и 74.

МОАУ, Ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г. л. 56.

№ 33. «Будем голодать до торжества правды или умрем. 4-й день голодовки».

Заявления двинцев в следственную комиссию Совета рабочих депутатов

От поданного нами заявления 16 с. м. мы не отступаем, так как уверены, что среди нас нет преступников и все подписавшие заявление или жертвы недоразумения, ошибки, или произвола.

13-й коридор, камеры № 73 и 74, 123 человека голодающих.

В наших камерах, кто не был уверен в своей абсолютной невинности, удалился в другие камеры, не голодающие, а мы, 123 человека, чувствуя свою невинность, решили получить все, что у нас отняли, или умереть. 18-й коридор.

Выражаем благодарность Следственной комиссии за сочувствие жертвам контрреволюции.

Коридор № 13 камеры № 73 и 74.
Коридор № 19 камера № 79.

Будем голодать до торжества правды или умрем. 4-й день голодовки.

Коридор № 13-й.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., лл. 38, 39.

№ 34. «Просим вывести из проклятых стен тюрьмы всех сидящих солдат...»

Резолюция голодающих в тюрьме двинцев

Мы, солдаты, арестованные по воле контрреволюционного произвола и брошенные в николаевские позорные казематы, просили, умоляли власть дать нам справедливый революционный суд и отнестись к нам, как к людям. Но все было тщетно. Голос наш дальше тюремных стен не проникал. И мы, питавшие надежду, что в центре России, в Москве, к нам отнесутся беспристрастно и поймут, что кто виноват, мы ли, солдаты, или те, кто нас вырвал из товарищеских боевых рядов, ослабляя фронт. Но, просидев здесь около двух недель, мы совершенно потеряли веру в существующую справедливость; и один выход представлялся нам — умереть голодной смертью, что мы и решили с 14 сентября. Смерть нам, солдатам, просидевшим по два и три года в ее об'ятиях, не страшна.

Но трудящийся класс Москвы услышал нас, и Совет прислал к нам комиссию, за что мы душевно благодарим всех тех, кто откликнулся на наш голос. И обращаемся: товарищи, выведите нас из позорных стен тюрьмы, так как мы все за одного и один за всех ручаемся, что никто из нас не уклонится от воли демократии и всегда выполнит ее предписания.

А что касается нашей виновности, то мы открыто заявляем, что мы не виноваты и никогда не были изменниками родины. Большинство из нас члены полковых и ротных комитетов, арестованные не по воле солдат, а по воле командного состава. Многим из нас пред'явлены обвинительные акты, но они совершенно не соответствуют действительности и не имеют юридиче-

ческого совершенства, так как в них отсутствуют солдатские показания; а главное — в актах многим обвиняемым не указывалось, где, что и когда говорил виновный. И ввиду этого не было никакой возможности выставлять свидетелей, да и может ли быть речь о свидетелях, ежели во время арестов и следствия солдаты всего полка доказывали, что арестованные не виновны. Но на это совершенно не обратили внимания и даже тут же многих говоривших арестовывали и зачисляли кандидатами на каторгу. И ввиду этого мы просили демократию обратить на это серьезное внимание и отнестись к нам более справедливо, а потому и просим вывести из проклятых стен тюрьмы всех сидящих солдат.

Следуют подписи шестидесяти голодающих из камеры № 79.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 37.

№ 35. «Члены комиссии Московского совета просили прекратить голодовку, заключенные категорически отказались».

Сообщение «Социал-демократа» о ходе голодовки

В тюрьму приведено из Двинска более 750 солдат, арестованных большей частью по усмотрению военного начальства. Солдаты первоначально были эвакуированы в Витебск, для них там не оказалось места, потом были отправлены в Смоленск, там также все оказалось переполненным. После долгих мытарств они, наконец, попали в Москву. По дороге в Москву, как говорят заключенные, им обещали освобождение. В Москве неожиданно их подвергли тяжелому режиму: спят вповалку на нарах, камеры на запоре, на ночь ставят парашу, не пропускают газету «Социал-демократ». Несмотря на то, что в камерах много окон без стекол, не выдают теплой одежды. Прогулка полчаса. Значительная часть арестованных является членами ротных и полковых комитетов. В чем обвиняются они, большинству неизвестно. Документы, даже личные, по дороге где-то затеряны. Арестованы они в июне, июле и августе. Человек двести об'явили голодовку, выставив своим лозунгом: «свобода или смерть». В субботу уже был третий день голодовки. Большинство солдат не хотят отправки в Витебск. Там, говорят они, мы опять без всякого движения дела, будем сидеть месяцы.

Нам передают, что избранная Московским советом рабочих и солдатских депутатов комиссия обходила камеры и приступила к опросу арестованных. Члены комиссии просили прекратить голодовку, заключенные категорически отказались. Комиссия, говорят, энергично ведет работу, надеясь уже сегодня освободить часть; относительно остальных, за исключением уже осужденных,

будет доложено советам. Быть может и их удастся также освободить. Дело зависит от военного начальства. К сожалению, работы комиссии затягиваются, не по ее вине.

„Социал-демократ“ № 160, 17 (30) сентября 1917 г. под заголовком: „В Бутырской тюрьме“.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 4—5.

№ 37. «Назначить гласный народный суд, где все увидят эту несправедливость. Мы отбываем невинную вину...»

Заявление 54 двинцев, задержанных в тюрьме при освобождении основной массы арестованных революционных солдат, в следственную комиссию Московского совета

ТОВАРИЩИ ЧЛЕНЫ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Мы, оставшиеся в Бутырской тюрьме, двинцы в числе 54 человек, приносим вам горячую благодарность за ваше энергичное дело по освобождению наших товарищей, которые не были судимы. Мы вам верим, когда, освобождая наших товарищей, вы заявили нам: «посидите не более 10 дней, и мы освободим вас». Подобных сроков прошло уже три, а что-то нас как будто забыли.

Товарищи. Вы достаточно убедились в несправедливости суда, который был установлен изменниками Корниловым и К°, а все еще почему-то не решаетесь поступить вполне справедливо в смысле нашего освобождения, все еще боитесь кого-то. Товарищи члены комиссии, вы еще не верите в силу и могущество нашего пролетариата и не берете на себя справедливого дела. Мы еще прибегаем к вам с искренней просьбой — пустите нас туда, где пролетариат стремится укрепить свободу. Пустите и нас на это доброе дело. Неужели вы заставите нас еще раз голодать. Мы смело боролись за свободу и в те дни, когда суды корниловские судили наших товарищей и беспощадно сажали в тюрьмы и расстреливали, но мы смерти не боялись.

Товарищи члены комиссии, мы силой взяты почти что из окопов, где мы пробыли почти три года, среди нас есть раненые, контуженные, мы совершенно больные, и теперь судьба нас забросила в тюрьму, где место только преступникам.

Товарищи члены комиссии, мы просим вас разобрать наши дела и назначить гласный народный суд, где все увидят эту несправедливость. Мы отбываем невинную вину.

Товарищи, заявляем вам, что для нас смерть не страшна, помрем здесь. Пусть ужаснется тот, кому дороги борцы за свободу. Об'являем голодовку.

Двинцы Бутырской тюрьмы, 17 октября 1917 г.

Подписи 26 двинцев, среди них подпись товарища Адама Давидовского.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 89.

IV. МОСКОВСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СОЛДАТ-БОЛЬШЕВИКОВ

№ 38. «До каких же пор наши товарищи, посаженные в тюрьму по приказу изменника и предателя Корнилова, будут томиться в николаевских казематах».

Большевистский «Социал-демократ» призывает к борьбе за освобождение двинцев

Нами получено письмо от 860 солдат-революционеров 5-й армии, сидящих в Бутырской тюрьме, куда их перевели из Двинска. Из письма видно, что товарищей арестовали за протест против смертной казни, за высказывание большевистских взглядов. В тюрьме томятся члены ротных и полковых комитетов, арестованные согласно приказу «убрать» армейские организации. Арестованных революционеров позволяют называть «корниловцами» и ставят на одну доску с контрреволюционерами тех людей, которые первые в армии восстали против Корнилова. Среди них есть раненые. До каких пор наши товарищи, посаженные в тюрьму по приказу изменника и предателя Корнилова, будут томиться в николаевских казематах?

В Бутырской тюрьме с арестованными обращаются хуже, чем с уголовными.

„Социал-демократ" № 152 от 6 (19) сентября 1917 г. под заглавием: „По революционным тюрьмам".

№ 39. Сообщение «Социал-демократа» о собрании военной организации МК РСДРП (большевиков), принявшем решение о мобилизации масс рабочих и солдат на борьбу за немедленное освобождение солдат-большевиков из тюрем.

8 сентября состоялось общее собрание, на котором докладывалось, что в Бутырской тюрьме уже несколько дней голодают солдаты-большевики, так как им не пред'явлено никакого обвинения.

Решено в частях войск поднять широкую агитацию и посылать делегации в Совет с требованием немедленного освобождения голодающих товарищей и других арестованных членов нашей партии. Военному бюро поручается выпустить не позже вторника листовку о голодающих товарищах.

„Социал-демократ“ № 159 от 16 (29) сентября 1917 г.

№ 40. Большевики Замоскворечья в защиту заключенных.

Выписка из постановления Замоскворецкого районного комитета РСДРП (большевиков) от 10 сентября 1917 г. об организации делегаций от фабрик и заводов Москвы в совет рабочих и солдатских депутатов с требованием освобождения из тюрьмы всех революционеров

ЗАСЕДАНИЕ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО РАЙОННОГО КОМИТЕТА РСДРП ОТ 10 СЕНТЯБРЯ 1917 Г.

Порядок дня:

1. О перевыборной кампании в С. Р. Д.
2. О заключенных в Бутырской тюрьме.
3. О сборе на Красную гвардию.
4. Об отчетности.
5. О Белове.
6. О районной конференции.

2. По вопросу о заключенных в Бутырской тюрьме решено: организовать 11 сентября к 4 часам дня делегацию от всех фабрик и заводов в Центральный совет рабочих и солдатских депутатов с требованием немедленного освобождения всех революционеров или немедленного пред'явления им обвинения. Для привлечения всех районов к этому требованию — протесту — обратиться в Московский комитет с предложением принять соответствующие меры (оповещение всех районов по телефону и т. п.) для осуществления этого дела.

Архив МК, ф. Замоскворецкого РК.

№ 41. Рабочие военно-артиллерийского завода требуют немедленного освобождения большевиков и им сочувствующих из московских тюрем.

Записка Исполнительного комитета рабочих завода в Исполнительный комитет совета рабочих депутатов от 9 сентября 1917 г.

Исполнительный комитет рабочих при военно-артиллерийском заводе требует от Исполнительного комитета Совета рабочих де-

путатов немедленного освобождения всех политических заключенных, томящихся в московских тюрьмах, и снимает с себя ответственность за могущие произойти на этой почве эксцессы.

Тов. председателя *(подпись)*.
(м. п.) Секретарь *(подпись)*.

С подлинным верно: *В. Рождественский.*

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 40.

№ 42 — 44. Рабочие Золоторожского трамвайного парка Московской городской железной дороги требуют немедленного освобождения заключенных в тюрьме большевиков.

Переданная в Московский совет резолюция рабочих трамвайного парка

ИК МСРД, получено 13 сентября № 10257.

Принимая во внимание 1) что заточение в тюрьме большевиков есть акт насилия Временного правительства, исполняющего волю буржуазии над левым течением социал-демократии, стоящим всегда на точке зрения последовательной защиты интересов рабочего класса, 2) что голодовка в тюрьме товарищей большевиков есть акт вынужденного протеста против заточения в тюрьме без пред'явления какого-либо обвинения, 3) что такое заточение без пред'явления обвинения есть прямое и наглое издевательство над рабочим классом и его авангардом, революционной социал-демократией и показывает, что политическая свобода в России есть пустой звук, комитет золоторожского парка, считая это заточение одним из актов борьбы буржуазии и ее лакеев против рабочего класса, протестует против заточения товарищей большевиков и категорическим образом требует их немедленного освобождения.

Местный комитет Золоторожского парка (м. п.)

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 43.

№ 47. Телеграмма Московских советов рабочих и солдатских депутатов военному следователю первого корпуса 5-й армии, в которой советы настаивают на освобождении арестованных солдат, эвакуированных из Двинска.

Московские советы рабочих солдатских депутатов просят срочного распоряжения освобождения из Московской пересыль-

ной тюрьмы под надзор поименованных арестованных эвакуированных Двинска точка. Арестованные ехали Витебска до Москвы без конвоя не делали попыток бежать запятая настоящее время девятнадцать заключенных голодают точка Советы настаивают срочном освобождении точка Неполучении ответа пятидневный срок запятая ввиду возможности серьезных эксцессов стороны войска и рабочих Москвы запятая Совет вынужден будет принять решительные меры точка Командующий войсками Московского округа одновременно телеграфирует вам для изменения меры пресечения фамилии заключенных числящихся вами.

Московский совет рабочих солдатских депутатов.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1128 за 1917 г., л. 11.

№ 48. Московские советы рабочих и солдатских депутатов требуют издания акта об освобождении от наказания всех осужденных военными судами революционных солдат.

Изложение резолюции Московских советов рабочих и солдатских депутатов в «Социал-демократе»

МОСКОВСКИЕ СОВЕТЫ И МАССОВЫЕ АРЕСТЫ В АРМИИ

Московские советы рабочих и солдатских депутатов, обсудив вопрос о массовых арестах в армии, о десятках тысяч солдат, томящихся в заключении по приговорам военных судов и в ожидании суда, постановили обратить внимание, что

подавляющее большинство арестов и судебных преследований в армии возбуждено на основании старых царских законов;

что эти законы проникнуты духом рабского подчинения солдата, совершенно не соответствуют ни укладу демократической армии вообще, ни переживаемому революционному времени, в частности;

что на основании этих законов массами приговариваются к тягчайшим уголовным наказаниям солдаты, совершившие чисто формальные проступки;

что особенно несправедливым и стоящим в резком противоречии с требованиями жизни оказалось применение этих законов в условиях переживаемой революции.

Производившиеся в первом периоде аресты реакционного командного состава солдатами, будучи формально преступлением в глазах закона, диктовались, очевидно, революционной необходимостью, являлись исполнением гражданского долга солдат перед революцией и обычно совершались с молчаливого согласия высших военных властей.

Но контрреволюционное течение среди генералитета и высшего офицерства отнюдь не было ликвидировано в первый пе-

риод революции. Наоборот, оно все больше организовывалось, постепенно переходило в наступление и ярко выявилось в корниловском мятеже.

Между тем, именно Корнилову и сплотившимся вокруг него врагам революции и демократии и были отданы в руки судьбы русских солдат. Именно они производили массовые аресты, вводили смертную казнь и военно-судебную расправу над солдатами. Понятно, что эти враги революции, восстанавливая якобы боеспособность армии и заботясь будто бы об ее оздоровлении, на самом деле были озабочены только подавлением революции. Под видом зачинщиков и смутьянов они извлекали из армии наиболее активный революционный элемент, могущий помешать Корнилову и его сподвижникам в осуществлении их изменнических планов.

Для расправы с неугодными им элементами армии корниловцы воскресили военно-полевые суды под новым названием «военно-революционных».

Этими судами, в которых отсутствуют самые элементарные гарантии правосудия, вынесен ряд жестоких обвинительных приговоров.

Многочисленные жертвы этих судилищ томятся в каторжных тюрьмах и арестантских отделениях.

Но не говоря уже об осужденных по проискам контрреволюционеров, о жертвах военно-полевой расправы, остальные подсудимые и осужденные за «нарушение воинского чинопочитания и подчиненности» и другие воинские преступления являются жертвами тяжкой несправедливости.

Тысячи солдат были осуждены в каторгу за отказ итти в наступление или за братание с неприятелем. Их клеймили как трусов и предателей. На самом же деле, эти солдаты в большинстве случаев были искренно убеждены в том, что наступление наносит удар делу революции. Широкими кругами революционной демократии приказ о наступлении был воспринят, как разрыв правительства с политикой борьбы за мир, провозглашенной русской революцией, и как победа империалистических кругов.

В этой атмосфере политического несочувствия широких кругов революционной демократии предпринятому наступлению принимались на фронте целыми частями резолюции об отказе наступать. Вопрос о наступлении обсуждался на собраниях иногда при участии командиров.

Ясно, что солдаты, отказавшиеся наступать во исполнение таких резолюций, исполняли свой гражданский долг. При таких условиях жестокие кары, обрушившиеся на головы солдат, являются актом преследования за политические убеждения, разделяемые в настоящее время большинством советов Р и СД.

Что касается неисполнения вообще приказов начальства и распоряжений офицеров, то нельзя не считаться с той обстановкой, в которой они имели место.

Атмосфера отчуждения между солдатами и офицерами и отсутствие авторитета последних в глазах первых — факт общеизвестный и общепризнанный, об'ясняемый в значительной степени тем, что офицерство, зачастую, является орудием контрреволюционных штабов и генералов.

В частности, нельзя не отметить, что беспрекословное исполнение солдатами приказов начальства могло бы сыграть в дни корниловского мятежа роковую роль для русской свободы.

При таких условиях нельзя допустить, чтобы десятки тысяч солдат томились на каторге и в тюрьмах по приговорам и в ожидании приговоров военных судов.

Долг русской демократии добиться освобождения узников, являющихся жертвами контрреволюции или противоречия между политикой правительства и стремлениями широких кругов армии.

Ввиду изложенного Московские советы рабочих и солдатских депутатов постановили: добиваться издания акта об освобождении от наказания всех осужденных военными судами за преступления против воинского чинопочитания и подчиненности и некоторых других воинских преступлений и о прекращении дел о всех привлеченных за означенные преступления.

„Социал-демократ" № 191 от 24 октября (6 ноября) 1917 г.

№ 49. Московский пролетариат добился освобождения из тюрьмы солдат-большевиков.

Почто-телеграмма от 21 сентября 1917 г. в комиссию по обследованию мест заключения, сообщающая приказ командующего войсками Московского военного округа об освобождении двинцев под надзор и о размещении их в двух лазаретах: Андроньевском и Савеловском

В комиссию по обследованию мест заключения (Бутырская тюрьма). По приказанию командующего войсками сего числа посланы московскому коменданту и коменданту Бутырской тюрьмы телеграммы следующего содержания:

Командующий войсками приказал арестованных солдат эвакуированных из Двинска содержащихся в Бутырской тюрьме освободить из-под ареста и поместить в Андроньевском и Савеловском лазаретах под надзор особо наряженной для сего команды за исключением осужденных одиннадцати солдат затребованных

председателем корпусного суда 37 армейского корпуса о коих сообщено было коменданту Бутырской тюрьмы телеграммой № 39618 и тех о которых имеются официальные сведения что они числятся за судебными властями. Освобождение должно быть произведено при участии комиссии по обследованию мест заключения и под наблюдением представителя военно-прокурорского надзора. О предоставлении лазаретов городской управе сообщено.

За делегатов *(подпись не разобрана)*.

МОАУ, ф. Моссовета, д. № 2/1130 за 1917 г., л. 65.

V. ДВИНЦЫ В ОКТЯБРЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ В МОСКВЕ И В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ

№ 50. Копия протокольной книги команды двинцев.

Общее собрание двинцев 23 сентября 1917 г.

Единогласно постановлено:

Избрать командный комитет в числе 16 членов и поручить таковому отправление юридических функций и ведение внутреннего распорядка.

Председатель общего собрания *(подпись)*.
Секретарь *(подпись)*.

Заседание командного комитета 23 сентября 1917 г.

1) Согласно постановлению «комиссии по обследованию мест заключения» ведение как внутреннего порядка, так и хозяйственных функций возлагается на комитет.

На основании вышеизложенного комитет в заседании своем постановил.

1) Избрать на каждые 10 человек по 1 старшему, в обязанность которым вменить о всех заявлениях товарищей докладывать на заседании комитета, а также поручить составить именные списки и представить таковые в комитет.

Председатель *(подпись)*.
Секретарь *(подпись)*.

Пленарное заседание комитетов двинцев 26 сентября 1917 г.

1. По вопросу о внутреннем порядке.

Единогласно решено, что каждый из комитетов самостоятельно вырабатывает инструкцию внутреннего порядка, которую и проводит в жизнь, докладывая о всех постановлениях на пленарном заседании.

2. Культурно-просветительный вопрос и агитационный.

Постановлено в каждом комитете избрать культурно-просветительную комиссию в числе трех человек.

3. Вопрос о назначении офицера.

Постановлено войти в соглашение с комиссией по обследованию мест заключения и выразить таковой пожелание обойтись собственным самоуправлением и не утруждать командного состава и офицеров.

4. Вопрос о распределении функций комитетов и об'единений таковых.

Постановлено избрать юридическую комиссию в числе 6 человек из членов пленарного заседания, в обязанности которой вменить непосредственное сношение со следственной комиссией и делать доклады на пленарных заседаниях. Избрать хозяйственную комиссию и следственную комиссию, которым и поручено отправлять соответственно их назначению функции с обязательством делать доклады на заседании комитетов.

5. Вопрос о месте пленарного заседания.

Пленарное заседание делать в Савеловском и Озерковском госпитале, чередуясь.

Печать командного комитета.

Заседание культурно-просветительной комиссии
27 сентября 1917 г.

1. Образование библиотеки.. Постановлено войти с ходатайством в культурно-просветительный отдел СР и СД о выдаче положенной для воинских частей литературы.

2. Вопрос агитации. Постановлено образовать группы агитаторов, которые направлять на митинги и собрания.

Председатель *(подпись).*
Секретарь *(подпись).*

Заседание комитета 27 сентября 1917 г.

Об избрании следственной комиссии. Избрана комиссия в числе трех человек, обязанности которой временно производить следствия по могущим быть случаям неисполнения товарищеских постановлений и обо всем докладывать на заседании комитета.

Вопрос об обмундировании. Постановлено составить список товарищей, не имеющих обмундирования и имеющих негодное. Исполнение поручить следственной комиссии.

Агитация. 1. Предложено культурно-просветительной комиссии начать более активную работу.

2. На просьбу рабочих Рогожского района—присылать агитаторов из числа членов комитета, а также из числа агитаторских групп.

3. Ввиду того, что среди солдат Московского гарнизона наблюдается агитация в пользу перевыборов советов, начать активную агитацию, командируя в воинские части группы агитаторов.

4. Установить тесную связь с воинскими частями, для чего установить №№ телефонов полковых комитетов.

5. Присутствовать на пленарном заседании Совета солдатских и рабочих депутатов 28 сентября с. г. к двум часам дня. Если представится возможность, выступить с речами.

Председатель *(подпись)*.
Секретарь *(подпись)*.

Пленарное заседание комитетов двинцев 30 сентября 1917 г.

1. Доклад (делегатов) делегированных товарищей о работе следственной комиссии.

Заслушав доклад товарищей делегатов, собрание приняло единогласно следующую резолюцию:

Мы, освобожденные волею революционного пролетариата и собственными усилиями, как-то: требованиями, протестами и голодовками, — двинцы, заслушав доклад делегированных товарищей на заседании по обследованию мест заключения, вынесли заключение, что комиссия решила постановления контрреволюционного суда 5-й армии признать в силе и привлечь нас к «законной ответственности за совершенные нами преступления — «мысли».

Доводим до сведения следственной комиссии, что с этим мы не согласные в корне и во имя законов революции требуем пересмотра наших документов не в смысле правильности применения подобранных к нашему делу статей, а в смысле определения нашей виновности в нарушении закона народа русского, т. е. пролетариата и трудящегося крестьянства. В исполнение чего постановлено:

1. Работать в контакте с членами следственной комиссии от фракции большевиков по разбору представленных на нас документов, всемерно настаивая все обвинения аннулировать.

2. Начать активную агитацию среди пролетариата и гарнизона г. Москвы.

Освещать всесторонне вопрос нашего положения и принять зависящие меры о принятии на собраниях и митингах резолюций с требованием нашего абсолютного освобождения, протеста против нашего раскомандирования и отправления из Москвы, а также о немедленном освобождении наших товарищей, находящихся в Бутырской и других тюрьмах, и назначения места для пересмотра дел только в Москве.

Одновременно обратиться с воззванием к пролетариату и гарнизону г. Москвы при помощи печати.

3. Всех же признанных нами совместно с комиссией уголовными мы удерживать и защищать не намерены.

Председатель пленума *(подпись).*
Секретарь *(подпись).*

Московская комиссия по истории гражданской войны, ф. команды двинцев.

№ 51. Двинцы в Октябрьских боях.

Требования в арсенал Московского Военно-Революционного Комитета о выдаче оружия (см. сводку в приложении 2)
В Штаб Военно-Революционного Комитета Сов. Раб. и Сол. Деп.
Октября 30-го 1917 г.

ТРЕБОВАНИЕ

Прошу выдать для пулеметчиков и гренадеров двинцев сто наганов (револьверов) и к ним патроны.

Вр. Зав. системой пулеметной обороны *(подпись).*

В Хозяйственный отдел дня 1917 г.

ТРЕБОВАНИЕ

Для двинцев прошу отпустить

Выдано:

1. Наган *(подпись).*
2. Винтовка *(подпись).*
3. 2 нагана *(подпись).*
4. 35 винтовок *(подпись).*
5. 30 наганов *(подпись).*
6. 1 наган *(подпись).*

Мособлархив, фонд Моссовет 94, д. 1090, лист 90, 330, 649. прилож. 3.

№№ 52—56. Помощь московскому пролетариату в военном обучении Красной гвардии и в охране советского революционного порядка.

Обращение районных военно-революционных комитетов и штабов Красной гвардии в комитет команды двинцев по вопросу об откомандировании товарищей двинцев для работы в районах.

Москва, 6 ноября 1917 г.

В КОМИТЕТ КОМАНДЫ ДВИНЦЕВ

Военно-революционный комитет при совете рабочих и солдатских депутатов Городского района просит комитет команды двинцев оставить на несколько дней двоих товарищей двинцев в распоряжении Военно-революционного комитета.

Комиссар Военно-революционного комитета
Городского района *(подпись)*
Секретарь *(подпись)*

8 ноября 1937 г.

В КОМАНДНЫЙ КОМИТЕТ ДВИНЦЕВ ПРИ САВЕЛОВСКОМ ГОСПИТАЛЕ.

Требование

от Военно-революционного комитета и штаба Красной гвардии Бутырского района

Бутырский военно-революционный комитет и штаб Красной гвардии просит команду двинцев предоставить 3 опытных солдата, умеющих командовать строем и обучать красногвардейцев стрельбе, сегодня, 8 ноября, к 6 часам вечера в помещение Военно-революционного комитета, Нижняя Масловка, 49, бывшие курсы.

Член Военно-революционного комитета и
председатель штаба Красной гвардии *(подпись)*.
Секретарь *(подпись)*.

В КОМИТЕТ КОМАНДЫ ДВИНЦЕВ

Товарищи! Я нахожусь в Марьинско-сущевском районе нач. штаба и, если вам нужно, то прошу сообщить, я тогда приеду делать отчет, а если не нужно, то прошу дать возможность провести организацию Красной гвардии и поставить порядок

в Марьиной роще от жулья, погромщиков, что уже стало прекращаться постепенно.

Передайте всем товарищеский привет и драгоценное пожелание от товарища.

Начальник штаба *(подпись).*

8 ноября 1917 г.

Совет рабочих и
солдатских депутатов
Бутырский район
20 декабря 1917 г. № 144
Нижняя Масловка, 49

КОМИТЕТУ КОМАНДЫ ДВИНЦЕВ

Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов Бутырского района просит у товарищей двинцев помощи в десять человек, нужных комиссару Петровского участка для устройства облавы.

Председатель *(подпись).*
Секретарь *(подпись).*

Штаб
Красной гвардии
Бутырский район
7 января 1918 г. № 75
Нижняя Масловка, 49

В КОМАНДУ ДВИНЦЕВ ПРИ САВЕЛОВСКОМ ВОКЗАЛЕ

Сим обращаемся к вам с просьбой, не найдете ли вы возможным прислать двух пулеметчиков для нас.

Начальник Красной гвардии *Ю. Квесис.*

Печать штаба Красной гвардии
Бутырский район

Московская комиссия по истории гражданской войны, ф. команды двинцев.

№ 57. Ровно месяц спустя после победы Великой Октябрьской революции.

Ржавые винты сламываемой буржуазно-помещичьей государственной машины по инерции еще вертятся.

Отношение военно-окружного суда Двинского военного округа «заведывающему» командой двинцев об отправлении 8 революционных солдат на суд.

В. М.

Военно-окружный суд
Двинского военного округа театра военных действий 25 ноября 1917 г.
№ 9231
г. Витебск

ЗАВЕДЫВАЮЩЕМУ КОМАНДОЙ ДВИНЦЕВ ПРИ САВЕЛОВСКОМ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОМ ГОСПИТАЛЕ В ГОРОДЕ МОСКВЕ.

Прошу сделать распоряжение об отправлении подсудимых (перечисляются фамилии и имена девяти товарищей двинцев) в город Витебск в распоряжение коменданта города Витебска для нахождения их под надзором впредь до решения о них дела, причем, при отправлении их в город Витебск, следует упомянуть, что они числятся за Двинским военно-окружным судом.

За председателя суда полковник *(подпись)*.
Пом. секретаря надворный советник *(подпись)*.

Московская комиссия по истории гражданской войны, ф. команды двинцев.

№ 58. Помощь губернским организациям Московской области в утверждении власти советов.

Вызов политического руководителя команды двинцев товарища Федотова в Калугу для работы по организации советской власти.

Штаб
Московского военного округа
Военно-политический отдел

ТОВАРИЩУ ФЕДОТОВУ

Савеловский госпиталь, команда двинцев

С получением сего прошу явиться в совет рабочих и солдатских депутатов, комната № 14, для поездки с поручением в г. Калугу в 4 часа сегодня.

По поручению *(подпись)*.

Московская комиссия по истории гражданской войны, ф. команды двинцев.

№ 60 — 61. На работе по организации советской власти в деревне Московской области.

Запросы комитета деревни Молодки Новской волости и Старицкого уездного совета крестьянских и солдатских депутатов об оставлении на работе двух товарищей двинцев, избранных в низовые советские органы.

Комитет
деревни Молодки
Новской волости
1 января 1918 г.

Комитету команды двинцев Бутырского района

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее удостоверение выдано гражданину Ивану Егорову Перакову 1 января 1918 г. в том, что он избран общим собранием в члены комитета деревни Молодки от 14 декабря 1917 г., ввиду не оказавшихся с политическим самосознанием в указанной деревне, о чем и просим общество деревни Молодки об оставлении в обществе для организации вышеуказанного общества, что и удостоверяем с приложением волостной печати Новской волости.

Председатель комитета *(подпись).*
Секретарь *(подпись).*

Старицкий уездный совет
крестьянских и солдатских
депутатов
2 января 1918 г.
№ 22

НАЧАЛЬНИКУ КОМАНДЫ ДВИНЦЕВ, Г. МОСКВА

Исполнительный комитет Старицкого совета солдатских и крестьянских депутатов настоящим доводит до вашего сведения, что солдат вверенной вам команды Кузьма Гущин, находясь в кратковременном отпуске, был избран волостью представителем в Старицкий совет солдатских и крестьянских депутатов, где находился с 23 декабря прошлого года по 2 сего января. Ввиду неиспользования им кратковременного отпуска исполнительный комитет отсрочивает таковой на 10 дней, т. е. до 12 сего января, для устройства домашних дел.

Председатель *(подпись).*
Секретарь *(подпись).*

Московская комиссия по истории гражданской войны, ф. команды двинцев.

№ 62. На путях создания новой, Рабоче-крестьянской Красной армии.

Резолюция, принятая батальоном двинцев 15 января 1918 г. по обсуждении декрета Совета народных комиссаров о создании новой, социалистической армии.

Обсудив на общем собрании вопрос о дальнейшей судьбе нашего батальона и принимая во внимание декрет Совета комиссаров о создании новой, социалистической армии, постановили немедленно открыть запись товарищей солдат в батальоне для создания ячейки будущего революционного социалистического «батальона двинцев», куда ввиду малочисленности наличного состава батальона должны быть добровольно привлечены также достойные товарищи солдаты из других частей местного и иных гарнизонов. Для чего решено войти в Московский совет рабочих и солдатских депутатов и штаб Московского военного округа с надлежащим ходатайством и просить их принять все меры для проведения в жизнь нашего пожелания, а также чтобы всем нашим товарищам, которые почему-либо не пожелают войти в состав нового батальона, была предоставлена возможность беспрепятственно в скором времени откомандироваться в другие части, расположенные вблизи их родины, или в распоряжение своих воинских начальников.

Председатель *(подпись)*.
Секретарь *(подпись)*.

СПИСОК ПОЛКОВ 5-й АРМИИ, ИЗ КОТОРЫХ ВЫШЛА ОСНОВНАЯ МАССА УЧАСТНИКОВ КОМАНДЫ ДВИНЦЕВ

№№ полков	Наименование полков	Количество арестованных	По каким статьям привлекались
16	Особый	9	105,112,104 ст. В. У.
65	Московский	12	104,245,246 ст. В. У.
68	Бородинский	14	—
69	Рязанский	13	104,112 ст. В. У.
86	Вильшандский	22	105,129,134 ст. В. У.
95	Красноярский	17	105,112 ст. В. У.
141	Можайский	5	Осуждены на 4 года арестантских отделений каждый
142	Звенигородский	18	—
143	Дорогобужский	24	—
144	Каширский	22	105,112 ст. В. У.
152	Владикавказский	6	110, 244 ст. В. У.
278	Кромский	8	—
303	Сенненский	39	104,112 ст. В. У.
481	Мещевский	11	—
540	Сухинический	51	104,110,112,244 ст. В. У.
641	Тавдинский	14	105 ст. В. У.
643	Соликамский	34	Осуждены на 4 года арестантских отделений каждый
717	Сандомирский	31	105,112 ст. В. У.
728	Крапивенский	12	105,104,112 ст. В. У.
479	Кадниковский	10	105,112 ст. В. У.
—	1-й отдельн. полк тяж. арт. див.	6	—
		418	

Вся команда в количестве 869 человек составилась из арестованных солдат 82 отдельных частей 5-й армии. По отдельным полкам, батареям, дивизионам арестованные составляли 2—3 человека.

Все революционные солдаты привлекались по статьям царского воинского устава свода военных постановлений 1869 г.

Каждый из двинцев по этим статьям подвергался органами Временного правительства ссылке в каторжные работы сроком от 4 до 20 лет или без срока с лишением всех прав состояния.

СВЕДЕНИЯ О ВЫДАЧЕ ОРУЖИЯ КОМАНДЕ ДВИНЦЕВ ИЗ АРСЕНАЛА МОСКОВСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

С 25 октября по 4 ноября 1917 г.

1) Винтовок русских . . . . . 505 шт.

2) Патронов для 3-линейных винтовок
русских с ящиками . . . . . 98 ящиков
пачками . . . . . 2 100 шт.

3) Патронов для берданок . . . . . 600 „

4) Кавалерийских сабель . . . . . 12 „

5) Итальянских винтовок . . 1 шт. и 20 патронов

6) Пулеметных лент . . . . . 8 шт.

7) Револьверов „наган“ . . . . . 277 „

8) Патронов для револьверов 4 пачки и 65 шт.

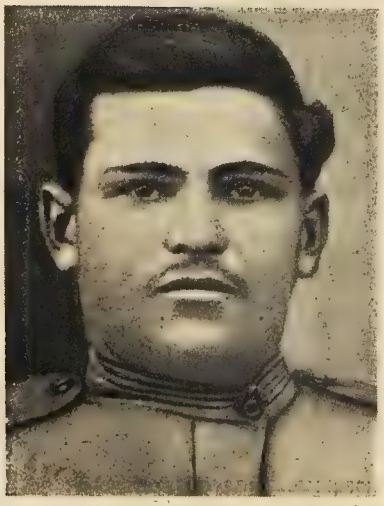
9) Киркомотыг . . . . . 6 „

Составлено по материалам Мособлархива, ф. Моссовета, № 94, д. 2/1090.

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Венок от Московского союза металлистов, возложенный на Красной площади 10 ноября 1917 г. на братскую могилу павших в боях за Великую пролетарскую революцию.

Е. Н. Сапунов.



А. М. Давидовский.

А. П. Воронов.

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ГЕРОЕВ

Евгений Николаевич Сапунов. — Родился в 1886 г. в деревне Буланцево бывш. Мещевского уезда Калужской губернии в семье крестьянина.

В бытность учеником старшего класса трехклассного училища в Тихоновой Пустыни Калужской губернии принимал участие в революционном движении 1905 г.

В 1915 г. был призван в армию и послан на фронт в 303-й Сенненский полк 76-й пехотной дивизии 5-й армии. Весной 1917 г. вступил в большевистскую организацию полка. Состоял членом ротного и полкового комитетов. За большевистскую агитацию на фронте Евгений Николаевич был 20 июля 1917 г. арестован и посажен в Двинскую военную тюрьму, где принимал участие в большевистском движении среди арестованных солдат. В августе 1917 г. в числе 869 товарищей был препровожден под конвоем в Москву в Бутырскую тюрьму. Здесь участвовал в шестидневной голодовке протеста против произвола керенщины.

После освобождения из тюрьмы вел большую работу в районах Москвы, как партийный большевистский агитатор.

В октябрьские дни был избран в команде двинцев командиром роты.

Поздно вечером 27 октября 1917 г. по вызову Военно-революционного комитета т. Сапунов повел роту двинцев к Московскому совету. На Красной площади в бою он первый пал от пули белогвардейского офицера.

Похоронен на Красной площади 10 ноября 1917 г.

Михаил Егорович Летунов. — Тов. Летунов родился в 1880 г. в бывш. Бузулукском уезде Самарской губернии. Семья была очень бедная и в поисках лучшей жизни кочевала некоторое

время по разным местам Сибири, пока не осела ковырять землю немудрым инвентарем в селе Введенском Тургайского уезда.

В 1915 г. Михаил Егорович был мобилизован на фронт и попал в 479-й Кадниковский полк. В полку принимал участие в нелегальном революционном кружке и завоевал большой авторитет среди солдат. В 1916 г. вместе с другими товарищами организовал братание.

После февральской революции т. Летунов развертывается в популярного оратора большевистской партии на фронте и беспощадно разоблачает предательскую политику меньшевиков и эсеров. И эта свора вместе с корниловцами не преминула, конечно, во время массовых бессудных расправ с солдатами на фронте в июле 1917 г. бросить Михаила Летунова в Двинскую крепость. Здесь, как и впоследствии в Московской пересыльной тюрьме и по освобождении из нее, т. Летунов был одним из руководителей революционной работы двинцев и одним из лучших большевиков-агитаторов команды двинцев.

В октябрьские дни Летунов в передовых рядах красных бойцов с винтовкой в руках бьет юнкеров и белогвардейцев на улицах Москвы.

После победы пролетарской революции Михаил Егорович едет навестить своих стариков в село Введенское близ Кустаная. Здесь он работает по организации советской власти и становится одним из организаторов партизанских отрядов против Колчака. Белогвардейцы десятки раз пытались при помощи деревенских кулаков поймать живым этого неутомимого солдата революции. В 1919 г. колчаковский карательный отряд окружает село Введенское с целью истребить партизанский отряд, которым командует т. Летунов. Но красные партизаны опередили белогвардейских палачей. Учитывая численное превосходство противника, отряд Летунова, забрав жен и детей, ушел в горы. Но остались старики и среди них отец Михаила Летунова — Егор.

Белые били Егора зверски сначала розгами, потом шомполами, но старик не выдал своих сыновей-большевиков и смерть встретил с открытыми глазами. Перед расстрелом он попросил только выкурить папироску.

Имущество семьи Летунова было разграблено белогвардейцами, дом сожжен.

Вскоре в боях против белых под Кустанаем пал смертью героя брат Михаила Летунова — красный партизан Семен Егорович Летунов.

А некоторое время спустя под Тургаем колчаковцы врасплох напали на партизанский отряд Летунова. После неравной борьбы Михаил Егорович вместе с другим своим братом Иваном был схвачен и расстрелян белыми.

Александр Петрович Воронов. — Тов. Воронов А. П. родился в 1894 г. в селе Гавриловском, ныне Галичского района Ивановской Промышленной области. Хозяйство у отца было бедняцкое, жили впроголодь. Но в церковно-приходскую школу все-таки Саша три зимы отходил и грамоте научился.

Потом повезли 13-летнего мальчика в Петербург, в ученье к подрядчику по строительному делу.

Все свободное время юноша проводил за книгой, но тяжелые условия 14-часовой работы мало благоприятствовали чтению.

Александр Петрович ушел от подрядчика и поступил на завод, где работал до января 1915 г., когда его взяли на военную службу и послали на фронт в 303-й Сенненский полк.

Тов. Воронов активно участвует в февральской революции, создавая органы армейской общественности, избирается в ротный и полковой комитеты.

Весной 1917 г. он вступил в большевистскую партию. Тов. Воронов, обладая большой личной обаятельностью, пользовался особой любовью солдат, и, когда с обычной силой убеждения и энтузиазмом выступал на собраниях за линию и лозунги нашей партии, солдатская масса выражала бурные одобрения любимому оратору.

И в Двинской и в Московской тюрьме Воронов неустанно ведет пропаганду идей большевизма среди арестованных солдат.

В Москве, на митингах рабочие с большим вниманием и воодушевлением слушали молодого пламенного большевистского агитатора Воронова.

27 октября вечером в первом бою с юнкерами он был сражен вражеской пулей.

Прах тов. Воронова покоится в братской могиле под стеной Кремля.

Александр Иванович Козин. — Тов. Козин Александр Иванович, бывш. ефрейтор 143-го Дорогобужского полка, член ВКП(б) — активный участник революционного движения на фронте в 1917 г.

25 июня 1917 г. был арестован Временным правительством и брошен сначала в Двинскую, а потом в Бутырскую тюрьму.

Козин—один из авторитетных руководителей команды двинцев, недюжинный организатор. В сентябре 1917 г. был избран в Московский совет рабочих депутатов. В октябрьские дни принимал участие в вооруженной борьбе против юнкеров на улицах Москвы.

После победы Октябрьской революции был направлен на работу по организации советской власти в Орловскую губернию. Был председателем Кромского уездного исполкома.

Когда деникинские банды наступали на Орел, т. Козин, несмотря на тяжелую болезнь, выступил с коммунистическим отрядом и грудью встретил врага.

В бою под Орлом, защищая дело рабочего класса, смертью героя пал большевик Козин.

Давидовский Адам Максимович. — Родился в 1894 г. в бедной крестьянской семье в Белоруссии (деревня Журавец Свислочского района Бобруйского округа Белорусской ССР). С малых лет вплоть до призыва в армию в 1915 г. на скупом клочке земли вместе с отцом боролся с нуждой.

После февральской революции вступает в большевистскую партию, ведет неустанную агитацию за лозунги партии.

Военно-полевым судом Временного правительства осужден на 10 лет каторжных работ.

Вместе со всеми двинцами из Двинской крепости эвакуируется в Московскую пересыльную тюрьму, где особо активное участие принимает в организации голодовки.

Освобожден из тюрьмы перед самым Октябрьским переворотом.

В вооруженном восстании сыграл выдающуюся роль, как командир артиллерийской батареи, бившей по юнкерам со Скобелевской (ныне Советской) площади.

Тов. Адам Давидовский убит злодейской рукой белогвардейского лазутчика в период его деятельности по организации колхозов в 1932 г.

Назаров Иван Алексеевич — бывш. солдат 480-го Даниловского полка, убит в первом бою двинцев с юнкерами 27 октября 1917 г. Похоронен на Красной площади.

Владимиров Степан Владимирович — бывш. подпрапорщик 642-го Стерлитамакского полка, убит в бою с белогвардейцами в октябрьские дни в Москве. Похоронен на Красной площади.

Неделкин Тимофей Федорович — бывш. солдат 15-го особого полка, убит в бою в октябрьские дни. Похоронен на Красной площади.

Трунов Николай Родионович — бывш. младший унтер-офицер 719-го Лысогорского полка, пал в бою 29 октября 1917 г. при взятии градоначальства. Похоронен на Красной площади.

Инюшев Андрей Алексеевич — бывш. подпрапорщик 143-го Дорогобужского полка, убит в бою в дни октябрьского вооруженного восстания в Москве. Похоронен на Красной площади.

Гавриков Яков Васильевич — бывш. солдат 303-го Сенненского полка, убит в бою с юнкерами в октябрьские дни в Москве. Похоронен на Красной площади.

Тимофеев Гавриил — бывш. солдат 1-го Невского полка. Во время вооруженной борьбы в октябрьские дни получил тяжелые ранения. Умер от ран. Похоронен на Красной площади.

Усольцев Михаил Тимофеевич—бывш. солдат 303-го Сенненского полка. В первом бою с юнкерами на Красной площади получил тяжелые ранения. Умер от потери крови в госпитале. Похоронен на Красной площади.

Тимофеев Александр — бывш. солдат 303-го Сенненского полка. Пал в первом бою с юнкерами на Красной площади 27 октября 1917 г. Похоронен на Красной площади.

Запорожец Антон Петрович — бывш. солдат 144-го Каширского полка. Погиб в первом бою с юнкерами на Красной площади 27 октября 1917 г. Похоронен на Красной площади.

Яшкин Максим—бывш. солдат 479-го Кадниковского полка, рядовой команды двинцев, участник октябрьских боев в Москве. Погиб в бою против белогвардейцев в 1918 г. на фронте.

Королев Елизар—бывш. солдат 717-го Сандомирского полка, участник октябрьских боев в Москве. Убит в бою против белых на фронте.

Островский Никита Тимофеевич — бывш. солдат 144-го Каширского полка, участник октябрьского восстания 1917 г. в Москве. Погиб в бою против германских оккупантов на Украине в 1918 г.

Андрианов Василий Иванович—бывш. солдат 144-го Каширского полка, участник октябрьских боев в Москве. В годы гражданской войны погиб на уральском фронте в боях с колчаковцами.

Самосватов Макар Гаврилович—бывш. солдат 303-го Сенненского полка, принимал боевое участие в октябрьском вооруженном восстании в Москве. Убит при штурме Перекопа.

Швецов Иван Васильевич—бывш. солдат 303-го Сенненского полка, рядовой команды двинцев, участвовал в вооруженной борьбе за власть советов в октябрьские дни в Москве. Погиб на фронте в бою против белогвардейцев.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

П. Федотов. — «ДВИНЦЫ» 11

С. Павлов. — ПЕРВАЯ КРОВЬ 28

В. Ростовцев — ГОД БОРЬБЫ 31

ДОКУМЕНТЫ 57

I. За мир, за власть советов, под знаменем партии большевиков. . 59

II. Военно-полевые расправы Временного правительства над революционными солдатами. В Двинской военной тюрьме 64

III. Двинцы в Московской пересыльной тюрьме. Шестидневная голодовка 78

IV. Московский пролетариат в борьбе за освобождение солдат-большевиков 87

V. Двинцы в октябрьском вооруженном восстании в Москве и в борьбе за укрепление советского строя 94

ПРИЛОЖЕНИЯ 103

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ГЕРОЕВ 105

Отв. редактор И. Ворошилин
Техн. редактор В. Борисов
Мособлгорлит № Б-6957
Тираж 6 000 экз.
Сдано в набор 5/VII 1937 г.
Подписано в печать 20/X 1937
Об'ем 7 п. л. Форм. 62×94/16
Учетно-автор. лист. 7,5
Московский Рабочий № 92
Зак. тип. № 639
13-я типо-штемпельно-грав.
Мособлполиграфа,
Петровка, 17.

Цена 1 р. 50 к.

М 11435